

Centesimus annus («СОТЫЙ ГОД»)

Энциклика
Святого Отца Иоанна Павла II
В СОТУЮ ГОДОВЩИНУ ОБНАРОДОВАНИЯ ЭНЦИКЛИКИ
RERUM NOVARUM

*Досточтимые братья, возлюбленные чада!
Приветствие и апостольское благословение*

Введение

1. СТОЛЕТИЕ обнародования энциклики моего предшественника, блаженной памяти Папы Льва XIII, энциклики, начинающейся словами *Regum novarum*¹, знаменует собой чрезвычайно важную дату в нынешней истории Церкви, а также в моем Понтификате. Действительно, она получила привилегию быть неоднократно чествуемой торжественными документами Римских Пап, начиная с ее сорокалетнего юбилея вплоть до девяностолетнего. Можно сказать, что ее пребывание в истории акцентировалось другими документами, которые о ней напоминали и вместе с тем ее осовременивали².

Повторяя это же по случаю ее столетнего юбилея — отвечая на запросы многочисленных епископов, церковных учреждений, исследовательских центров, предпринимателей и трудящихся, выступавших как от своего имени, так и в качестве членов различных ассоциаций, — я желаю прежде всего выразить благодарность, какую вся Церковь питает в отношении великого Папы и его «бессмертного документа»³. Я желаю также показать, что плодотворные соки, питаемые этим корнем, не исчерпались с годами, а, даже наоборот, стали плодоноснее. Об этом свидетельствуют начинания самого разного свойства, и те, которые предшествовали этому празднованию, и те, которые его сопровождают и будут реализованы в будущем, — начинания, поддержанные епископскими конференциями, международными организациями, университетами и академи-

ческими учреждениями, профессиональными ассоциациями и другими учреждениями и лицами во многих частях света.

2. Настоящая энциклика участвует в этих празднованиях с благодарением Богу, от Которого «всякое деяние доброе и всякий дар совершенный нисходит» (Иак 1, 17), ибо она воспользовалась документом, испещшим сто лет тому назад от Престола апостола Петра, действуя затем в Церкви и в мире столь успешно и распространяя столько света. Чествование, осуществляемое здесь, касается энциклики Льва XIII и других документов моих Предшественников, внесших свой вклад в то, чтобы она присутствовала в историческом времени и действовала, составляя то, что стало именоваться «социальной доктриной», «социальным учением» и даже «социальным Учительством» Церкви.

Об огромном значении этого учения говорят две энциклики, которые я обнаружил в годы моего Понтификата: «Совершая труд» — о человеческом труде — и «Забота о социальной действительности», в центре которой — актуальные проблемы развития людей и народов⁴.

3. Теперь я намерен предложить «перечень» энциклику Льва XIII, приглашая «посмотреть в глубь» ее текста, дабы вновь раскрыть богатство фундаментальных принципов, в ней сформулированных, для решения рабочего вопроса. Но я приглашаю также «посмотреть вокруг», взглянуть на «новые вещи», которые нас окружают и посреди которых мы находимся, будучи, так сказать, погруженными в них, — вещи весьма отличные от тех «новых вещей», какие были присущи последнему десятилетию прошлого столетия. Наконец, я приглашаю «посмотреть в будущее», когда уже просматривается третье тысячелетие христианской эры — неизвестной, но и многообещающей. Эта неизвестность и это ожидаемое влияют на наше воображение и творческие способности, стимулируя также нашу ответственность как учеников «единого Учителя», Христа (см. Мф 23, 8), в том, чтобы указывать Пути для провозглашения Истины и приобщения к «Жизни», которой есть Он Сам (см. Ин 14, 6).

Таким образом будет подтверждена не только непреходящая ценность этого учения, но обнаружится также истинный смысл

Церковного Предания, каковое, вечно живое и динамичное, создается на основании, заложенном нашими отцами по вере, и особенно на том, что «Апостолы передали Церкви»⁵ во имя Иисуса Христа, — на основании, «которого никто не может заменить» (см. 1 Кор 3, 11).

Лев XIII решил высказаться в силу осознания своей миссии как преемника апостола Петра, и это же осознание одушевляет сегодня его преемника. Подобно ему и подобно бывшим до него и после него Папам, я вдохновляюсь евангельским образом «книжника, наученного Царству Небесному», о нем Господь говорит, что он «подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф 13, 52). Эта сокровищница — обширное течение Церковного Предания, которое содержит «старое», полученное и передаваемое издревле, и которое позволяет читать «новое», посреди чего протекает жизнь Церкви и мира.

К тем явлениям, которые, включившись в Предание, становятся «старыми», представляя возможности и материал для обогащения Предания и жизни веры, относится также деятельность миллионов людей, которые под влиянием социального учения Церкви вдохновлялись ею для осуществления своих задач в мире. Действуя индивидуальным образом или объединяясь в разнообразные группы, ассоциации и организации, они составляют значительное движение для защиты человеческой личности и охраны ее достоинства, что в многообразии исторических событий помогло созидать общество более справедливое или, по крайней мере, препятствовать несправедливости и ограничивать ее.

Настоящая энциклика стремится показать плодотворность принципов, выраженных Львом XIII, которые принадлежат доктринальному наследию Церкви и, как таковые, облечены авторитетом ее учения. Но папская забота побудила меня, помимо того, предложить собственный анализ некоторых событий недавней истории. Излишне подчеркивать, что внимательное рассмотрение хода событий для выявления новых потребностей евангелизации составляет одну из задач пастырей. Однако такого рода исследование не ставит целью дать окончательные оценки, поскольку это не входит, по своей природе, в специфические задачи церковного учения.

Часть I

Характерные особенности энциклики *Regnum novarum*

4. К концу прошлого столетия Церковь стала свидетельницей начавшегося ранее исторического процесса, который к этому времени вступил в особый период. Решающую роль в этом процессе сыграл взятый в совокупности фактор радикальных перемен, которые произошли в политической, экономической и социальной областях, а также в научной и технической среде, не говоря о влиянии господствовавших в те годы разнообразных идеологий. Результатом этих изменений стала возникшая в политической области новая концепция общества и государства и как следствие — новая концепция власти. Традиционное общество распалось, и начинало формироваться другое, исполненное надежд на новые свободы, но и оно таило в себе опасность возникновения новых форм несправедливости и порабощения.

В экономической области, где использовались и применялись открытия, сделанные в области точных наук, постепенно складывалась новая структура в производстве предметов потребления. Возникла новая форма собственности, капитал, и новая форма труда, наемный труд, с характерной для него чертой: во всей своей тяжести производство подчинялось единственной цели — росту прибыли и увеличению добычи, при этом не принимались во внимание пол, возраст или семейное положение трудящихся.

Труд становился, таким образом, товаром, который легко мог покупаться и продаваться на рынке и цена которого определялась законом спроса и предложения, без учета того минимума, который был жизненно необходимым для существования человеческой личности и ее семьи. Более того, трудящийся даже не был уверен в том, что ему удастся продать «собственный товар»; ему постоянно грозила безработица, которая, при отсутствии социального обеспечения, ставила его перед лицом голодной смерти.

Следствием этого преобразования было «расслоение общества на два класса, разделенных глубокой пропастью»⁶. На сложившуюся ситуацию накладывались особенно заметные изменения в политике. Тем самым господствовавшая тогда политическая теория бы-

ла нацелена — посредством соответствующих законов или, напротив, при явном отказе от какого бы то ни было вмешательства — на полную экономическую свободу. В то же время начинала возникать — как в организованном порядке, так и нередко насильственным путем — другая концепция собственности и экономической жизни, в основе которой лежала новая система политического и социального устройства.

В самый кульминационный момент этого противостояния, когда во многих странах уже во всей своей неприглядности проявилась явная несправедливость социальной действительности и опасность революции, чему способствовали концепции, которые тогда именовались «социалистическими», Лев XIII выступил с документом, в котором был органично поставлен «рабочий вопрос». Этой энциклике предшествовали другие, содержащие прежде всего учение политического характера, некоторые из них были опубликованы позднее⁷. В этом контексте следует вспомнить, в частности, энциклику *Libertas praestantissimum*, в которой было обращено внимание на основополагающую связь человеческой свободы с истиной, это тем более важно, что, откажись свобода от взаимодействия с истиной, она превратилась бы в произвол и в итоге подчинилась бы самым низменным страстям и подлежала бы саморазрушению. Действительно, откуда берет начало все явления зла, которым энциклика *Regum novarum* стремится противопоставить себя, как не из той свободы, что в экономической и социальной деятельности человека отрывается от истины о человеке?

Папа вдохновлялся, помимо того, учением своих Предшественников, не говоря уже о многих епископских документах, научных исследованиях, проводившихся мирянами, акциях католических движений и ассоциаций и тех конкретных достижениях в социальной области, какие отличают жизнь Церкви во второй половине XIX столетия.

5. «Новые вещи», которые имел в виду Папа, отнюдь не были положительными. Первый параграф энциклики описывает эти «новые вещи», которым она обязана своим названием, в достаточно черных красках: «Однажды разбуженная жажда «новых вещей», которая издревле сотрясала целые государства, должна была, в конце

концов, свое желание изменений переместить из области политики в смежную с ней область социальной экономики. А новые успехи в промышленности и новые способы производства, изменение отношений между хозяевами и наемными рабочими; накопление богатств в руках немногих наряду с бедственным положением народных масс; растущая вера самих рабочих в собственные силы и, как следствие этого, теснейшее их единение, наконец, падение нравов, — все это привело к возникновению борьбы (социальной)⁸.

Папа, а вместе с ним и Церковь, равно как и светская среда, оказались лицом к лицу с обществом, внутренне разделенным; этот конфликт был тем более беспощадным, что он не признавал никаких правил и норм поведения. Это был конфликт между капиталом и трудом, или — как его именовала энциклика — рабочим вопросом. Именно об этом споре, увиденном во всей его остроте и в том виде, в каком он был представлен в то время, Папа не поколебался сказать свое слово.

Здесь возникает первая мысль, какую подсказывает энциклика для нынешнего времени. Папа не сомневался в том, что перед лицом конфликта, который стравливал, словно «волков», меж собой людей, уродуя их борьбой, одних — в стремлении выжить, других — разбогатеть, он не может молчать в силу своего «апостольского служения»⁹, то есть миссии, полученной от самого Иисуса Христа, — «пасти агнцев и овец» (см. Ин 21, 15–17) и «связывать и разрешать на земле» для Царства Небесного (см. Мф 16, 19). Намерением Льва XIII было, несомненно, восстановить мир: современный читатель не может не оценить сурового осуждения классовой борьбы, однозначно высказанного Папой¹⁰. Папа, однако, прекрасно сознавал, что в основе мира лежит справедливость: и главное содержание энциклики состоит в утверждении принципиальных требований справедливости в тогдашней экономической и социальной ситуации¹¹.

Таким образом, Лев XIII, следуя своим Предшественникам, дал Церкви непреходящую модель прогрессивного развития. Именно Церковь говорит об определенных возникающих между людьми ситуациях — индивидуальных и общественных, национальных и межнациональных — и формулирует таким образом свое учение,

подлинный доктринальный CORPUS, который позволяет ей разносторонне социальные явления, выносить о них суждения и указывать направления для собственного решения вытекающих отсюда проблем.

Во времена Льва XIII подобная концепция права-обязанности Церкви была еще далека от общего признания, поскольку преобладала двойная тенденция: одна, направленная на этот мир и на эту преходящую жизнь, по отношению к которой вера должна быть чем-то посторонним; и другая, обращенная к спасению исключительно потустороннему, которое, однако, не просвещало и не направляло жизнь человека на земле. Позиция, занятая Папою и выраженная в энциклике *Rerum novarum*, присвоила Церкви почти что «права гражданства» в изменяющейся общественной жизни, и это право в еще большей степени утвердилось впоследствии. Так оно и есть, что задача изучать и распространять социальное учение принадлежит к евангелизаторской миссии Церкви и составляет существенную часть христианской Вести, поскольку это учение указывает на непосредственные результаты в жизни общества и включает повседневный труд и все виды борьбы за справедливость в свидетельстве Христа Спасителя. Эта доктрина является также источником единства и мира перед лицом конфликтов, которые неизбежно возникают в социально-экономической области. Благодаря ей существует возможность жить в новых условиях, не унижая трансцендентное достоинство человеческой личности ни в самих себе, ни в противниках, а также выбирать собственное решение.

Ныне, сто лет спустя, действенность формы подобного присутствия Церкви предоставляет мне возможность внести свой вклад в разработку «христианского социального учения». «Новая евангелизация», в которой испытывает настоятельную потребность современный мир и результаты которой я неоднократно подчеркивал, должна сделать одним из неотъемлемых своих компонентов возведение социального учения Церкви, способного и поныне, как во времена Льва XIII, указывать правильный путь, поднимая на должную высоту великие вызовы современной эпохи, в то время когда дискредитируется идеология. Как и тогда, сегодня необходимо повторять, что нет истинного решения «социального вопроса»

вне Евангелия и что «новые вещи» могут обрести в нем свое подлинное место и получить должную нравственную основу.

6. Поставив перед собой цель — осветить конфликт, который возник между капиталом и трудом, Лев XIII утверждал фундаментальные права трудящихся. Поэтому ключевым понятием его энциклики является достоинство трудящегося как таковое и, в силу того же самого, достоинство труда, который определяется как «человеческая деятельность, предназначенная для обеспечения разных потребностей жизни и главным образом потребности самосохранения»¹². Папа квалифицирует труд как «личный», ибо «сила труда присуща человеческой личности и всецело принадлежит тому, кто ее осуществляет и для пользы кого она была предназначена природой»¹³. Так понимаемый труд составляет область призвания каждой личности; более того, в своей трудовой деятельности человек себя выражает и самореализуется. В то же время труд имеет и «социальное» измерение, в силу своей внутренней связи как с семьей, так и с общественным благом, «так что поистине можно утверждать, что за счет труда рабочих обогащаются государства»¹⁴. Эти положения я воспринял и развил в энциклике «Совершая труд»¹⁵.

Другой важный принцип — это, несомненно, право на «частную собственность»¹⁶. Уже само место, какое энциклика ему отводит, раскрывает приписываемое ему значение. Папа прекрасно знает тот факт, что частная собственность не есть абсолютная ценность, и не упускает случая провозгласить принципы необходимой взаимодополняемости, в том числе и такой, как принцип всеобщей предназначенности земных благ¹⁷.

С другой стороны, верно и то, что, говоря о частной собственности, Папа преимущественно имел в виду земельную собственность¹⁸. Во всяком случае, это не значит, что доводы, принимаемые для защиты частной собственности, т.е. для утверждения права владеть всем необходимым для личного развития и развития всей семьи — независимо от того, какую конкретную форму это право принимает, утратили сегодня свою значимость. Это надо еще раз подтвердить как перед лицом изменений, свидетелями которых мы являемся и которые произошли в системах, где господствовала коллективная собственность на средства производства, так и перед ли-

цом всё растущей бедности или, точнее, отсутствия частной собственности, что наблюдается во многих частях света, в том числе и там, где преобладают системы с основой на признание частной собственности. Названные изменения и продолжающаяся бедность побуждают к необходимости более глубоко проанализировать проблемы, каким посвящена специальная часть документа.

7. В тесной связи с правом собственности энциклика Льва XIII утверждает также другие права, присущие человеческой личности и неотъемлемые от нее. Среди них первостепенное — по тому месту, какое уделяет ему Папа, и по значению, какое ему отводит, — «естественное право человека» образовывать частные ассоциации; это означает прежде всего право создавать профессиональные ассоциации предпринимателей и рабочих или одних рабочих¹⁹. В этом коренится причина, по которой Церковь защищает и одобряет создание объединений, обычно именуемых профсоюзами; и, естественно, не в силу идеологических предрассудков, не в порядке уступки классовой «сознательности», но потому именно, что речь идет о естественном праве человека и предшествующем его включению в политическое общество. Действительно, государство не может «запретить их создание», ибо «государство существует для того, чтобы защищать естественные права, а не нарушать их. Запрещающая устраивать такого рода ассоциации, оно противоречило бы самому себе»²⁰.

Наряду с этим правом, которое — это надо подчеркнуть — Папа недвусмысленно признает за рабочими, или, пользуясь его выражением, за «пролетариями», были в равной степени подтверждены права на «ограничение часов рабочего времени», на законный отдых и на соответствующий подход к подросткам и женщинам²¹ в том, что касается характера и продолжительности работы.

Если учесть то, что говорит история о дозволенных методах, или, по крайней мере, не исключающих законодательно процедур заключения договоров без каких-либо гарантий относительно рабочего времени или гигиенических условий труда, а также без всякого учета возраста и пола принимаемых на работу, — легко понять суровое осуждение Папы. «Несправедливо и бесчеловечно, — пишет он, — угнетать людей чрезмерной работой, чтобы притупля-

лась их мысль, а тело падало в изнеможении». И с исключительной точностью, говоря о договоре, целью которого является осуществление подобных «трудовых отношений», утверждает: «В каждом соглашении между хозяевами и рабочими более или менее ясно выступает забота» о необходимом отдыхе, соответствующем «времени восстановления сил, затраченных на работе». И в заключение Папа говорит: «Пренебрегать этим условием значило бы поступать против права и справедливости»²².

8. Сразу же после этого Папа определяет другое право рабочего как личности. Речь идет о праве на «справедливую заработную плату», которая не может быть результатом свободного согласия сторон: «будто бы работодатель, после того как выплачена зарплата, выполнил обещанное им, не оставаясь более должником другого»²³. Государство — говорили в те времена — не имеет власти вмешиваться в установление таких договоров, разве что оно должно гарантировать исполнение оговоренных условий. Такая концепция отношений между хозяевами и рабочими, чисто прагматическая, пропитанная исключительно духом индивидуализма, подвергается в энциклике суровой критике за то, что концепция эта противоречит двойной природе труда — как явления личного, но и необходимого. Ибо, если труд, будучи личным, принадлежит тому, кто располагает своими способностями и энергией, он в то же время, будучи необходимым, регулируется тяжелой обязанностью, возложенной на каждого для «самосохранения»; «отсюда вытекает логичный вывод, заключает Папа, что каждый имеет право приобретать то, что требуется для жизни, бедный же может приобретать это только с помощью заработной платы за свой труд»²⁴.

Заработная плата должна быть достаточной для содержания рабочего и его семьи. Если трудящийся, «побуждаемый необходимостью или боязнью худшего, соглашается на более тяжелые условия только потому, что хозяин или подрядчик не предоставляют ему лучших, он является жертвою насилия или несправедливости»²⁵.

Не следует ли повторить сегодня с той же суровостью слова, которые были написаны тогда, когда наступал так называемый «дикий капитализм»? К сожалению, и сегодня встречаются случаи трудовых соглашений между хозяевами и рабочими, в которых игнорируется

самая элементарная справедливость по вопросам труда несовершеннолетних или женщин, продолжительности рабочего времени, санитарных условий рабочих мест и справедливого вознаграждения. И все это вопреки касающимся этого международным декларациям и конвенциям²⁶ и самим государственными законам. Папа возлагал на «государственные власти» «прямую обязанность» обеспечивать благосостояние трудящихся с должной заботой, ибо пренебрежение этим оскорбляет чувство справедливости; более того, он без колебаний сказал о «распределительной справедливости»²⁷.

9. К названным правам Лев XIII присовокупляет еще одно, также связанное с положением рабочих, о котором я хочу напомнить в силу той важности, какую оно в себе заключает: право свободно исполнять религиозные обязанности. Папа провозглашает его в контексте других прав и обязанностей рабочих, несмотря на общее убеждение, господствовавшее и в те времена, будто бы некоторые вопросы принадлежат исключительно личной сфере. Он утверждает необходимость воскресного отдыха, дабы человек направил мысли на блага небесные и к молитве — его прямой обязанности перед Богом²⁸. Этого права, укорененного в Божественной заповеди, лишить человека не может никто; «ни один человек не может безнаказанно оскорблять человеческое достоинство, к которому Сам Бог относится с уважением»; следовательно, государство должно гарантировать рабочему возможность пользоваться этой свободой²⁹.

Тот не ошибется, кто в этом столь прозрачном утверждении усмотрит зачатки права на религиозную свободу — принципа, который впоследствии стал объектом многих торжественных деклараций и международных конвенций³⁰, равно как и известной декларации Второго Ватиканского Собора и ряда моих наставлений³¹. В связи с этим следует задаться вопросом, на самом ли деле гарантируют действующие сегодня законоположения и сама действительность промышленно развитых обществ элементарное право на воскресный отдых?

10. Другой важный момент, весьма поучительный для наших дней, — это концепция отношений между государством и гражданами. *Regum poavatum* подвергала критике две социальные и экономические системы: социализм и либерализм. Социализму посвя-

щается начальная часть, в которой вновь подтверждается право на частную собственность; либерализму особого раздела не посвящается, но, что заслуживает внимания, он подвергается критике по вопросу обязанностей государства³². Оно не может ограничиться «заботой о благе одной части граждан», то есть о богатых и процветающих, и «пренебречь другою», которая составляет, несомненно, значительное большинство в обществе; в противном случае нарушается принцип справедливости, требующий воздавать должное каждому. «Однако охраняя права отдельных лиц, следует с особым вниманием относиться к слабым и бедным. Класс богатых, сильный сам по себе, имеет меньшую нужду в защите государственной властью; класс пролетариев, которому не хватает средств для существования, испытывает острую необходимость в помощи со стороны государства. Поэтому именно рабочим, которые относятся к числу слабых и нуждающихся, государство должно преимущественно предоставлять свою заботу и попечение»³³.

Приведенные места из энциклики особенно ценны сегодня перед лицом новых форм бедности, существующих в мире, потому еще, в частности, что содержат утверждения, которые не зависят ни от какой-либо конкретной концепции государства, ни от какой-либо политической теории. Папа еще раз подтверждает элементарный принцип любой здоровой политической организации, а именно — чем более беззащитными являются отдельные лица в обществе, тем в большей степени нуждаются они во внимании и заботе со стороны других и в особенности во вмешательстве государственной власти.

Таким образом, тот принцип, который сегодня мы именуем солидарностью и о действенности которого — как во внутреннем устройстве любой страны, так и в международном устройстве — я говорил в энциклике «Забота о социальной действительности»³⁴, обнаруживает себя как один из основополагающих принципов христианского понимания общественной и политической организации. Он неоднократно утверждался Львом XIII под термином «дружба», какой мы находим уже в греческой философии; начиная с Папы Пия XI он обозначался не менее знаменательным термином «социальное милосердие», тогда как Павел VI, раздвигая рамки

концепции согласно современным и многообразным масштабам социального вопроса, заговорил о «цивилизации любви»³⁵.

11. Новое прочтение энциклики — в свете современной действительности — позволяет надлежащим образом оценить постоянную заботу и внимание Церкви к той категории лиц, которые являются предметом особой любви Господа Иисуса. Текст документа является блестящим доказательством преемственности в Церкви так называемого «преимущественного выбора в пользу бедных», того выбора, который я определил как своего рода «особую форму приоритета в осуществлении христианского милосердия»³⁶. Энциклика о «рабочем вопросе» — это, следовательно, энциклика о нищенских и ужасающих условиях существования, к каким привел огромные массы людей новый и порой неуправляемый процесс индустриализации. И сегодня в значительной части мира подобные процессы экономических, общественных и политических преобразований порождают те же беды.

Если Лев XIII призывает государство улучшить, согласно требованиям справедливости, условия существования бедных, то он делает это потому, что признает за государством задачу блюсти общее благо и заботиться о том, чтобы любая область общественной жизни, не исключая экономической, способствовала его прогрессу при уважении законной независимости каждого из них. Это, однако, не должно приводить к мысли, будто бы для Папы Льва XIII любое решение социального вопроса должно исходить от государства. Наоборот, он неоднократно настаивает на необходимости ограничивать вмешательство государства, подчеркивая его служебный характер, ибо отдельный человек, семья и общество ему предшествуют, и оно существует для охраны их прав, а не для того, чтобы эти права ущемлять³⁷. Нельзя не отметить злободневности этих размышлений. К столь важной проблеме ограничений, присущих природе государства, нам еще придется вернуться. Между тем подчеркнутые моменты — естественно, далеко не единственные в энциклике — тесно связаны с продолжающимся развиваться социальным учением Церкви, а также со здоровой концепцией частной собственности, труда, экономического процесса, реальности государства и прежде всего самого человека. О других проблемах будет сказано дальше,

при анализе определенных аспектов современной действительности, однако надо учесть уже сейчас, что содержанием и в известном смысле путеводителем энциклики и всего социального учения Церкви является правильное понимание человеческой личности и ее уникальной ценности, поскольку «Человек — единственное на земле творение, которое Бог восхотел ради его самого»³⁸. В нем Он запечатлел Свой образ и подобие (см. Быт 1, 26), пожаловав ему несравнимое достоинство, на чем неоднократно настаивает энциклика. В самом деле, помимо тех прав, какие человек приобретает собственным трудом, существуют права, которые не соответствуют никакому исполненному им делу, но которые проистекают из присущего ему достоинства человеческой личности.

Часть II

К «новым вещам» нашего времени

12. Годовщину памяти *Regum povarum* не стоило бы отмечать, если бы она прямо не была обращена к сегодняшнему дню. Уже своим содержанием этот документ побуждает к такому выводу, ибо представленный здесь исторический контекст и высказанные предположения оказались поразительно точными в свете дальнейшего развития.

Это особенно подтверждают события последних месяцев 1989-го и начала 90-х годов. Сами эти события и последовавшие за ними радикальные преобразования можно понять только лишь на фоне предшествовавших ситуаций, которые в известной степени стали конкретно осуществленным предсказанием Льва XIII и симптомами, все более тревожащими его преемников. В самом деле, Папа Лев XIII предвидел отрицательные последствия (со всеми их аспектами — политическими, социальными и экономическими) того общественного устройства, которое предлагал «социализм», представлявший тогда собой социальную философию и более или менее оформленное движение.

Нельзя не подивиться тому факту, что Папа начал с «социализма» критику тех подходов, какие предлагались для решения «рабочего вопроса», — когда тот еще не обозначился так, как это произошло позже в лице сильного и могущественного государства со всеми располагаемыми им ресурсами. И, однако, он дал точную оценку той опасности, какую таила для масс людей соблазнительная возможность решить — столь же просто, сколь и радикально — тогдашний рабочий вопрос. Точность этого диагноза видна особенно хорошо, если вдуматься, в каких страшно несправедливых условиях оказались тогда пролетарские массы стран, недавно начавших индустриализацию.

Надо здесь подчеркнуть две вещи: с одной стороны, исключительная проницательность Папы, позволившая ему увидеть во всей неприглядности истинное положение пролетариев: мужчин, женщин и детей; с другой стороны, не меньшая его способность к предвидению всего того зла, какое эта идея — поменять местами богатых и бедных — должна была принести, что в действительности привело к ухудшению положения тех, кому обещана была помощь. Лечение, выходит, оказалось хуже самой болезни. Определив природу социализма своего времени в подавлении частной собственности, Папа Лев XIII затронул самую суть проблемы.

Его слова заслуживают того, чтобы со всем вниманием перечитать их еще раз: «Чтобы преодолеть это зло (несправедливое распределение богатства и нищету пролетариев), социалисты подстрекают бедных к ненависти против богатых, предлагают уничтожить частную собственность и настаивают на том, чтобы личные владения превратились в общую собственность... но эта теория помимо того, что не решает проблему, приводит лишь к тому, что терпят ущерб сами рабочие; наконец, она несправедлива по многим причинам, поскольку извращает функции государства в отношении прав законных собственников и нарушает общественный порядок»³⁹. Нельзя было удачнее определить тот ущерб, какой нанес этого типа социализм как государственная система: известный позднее как «реальный социализм».

13. Развивая теперь мысль и ссылаясь также на то, что было сказано в энцикликах «Совершая труд» и «Забота о социальной дейст-

вительности», необходимо добавить, что фундаментальная ошибка социализма носит антропологический характер. Действительно, социализм рассматривает отдельного человека как простой элемент, молекулу социального организма так, что благо индивидуума всецело подчиняется функционированию социально-экономического механизма. С другой стороны, социализм считает, что благо индивидуума можно достичь, не предоставляя ему самостоятельный выбор, это уникальное и исключительное принятие на себя ответственности перед лицом добра и зла. Человек, таким образом, приравнивается к совокупности общественных отношений, и вместе с тем исчезает понятие личности как независимого субъекта нравственных решений, который посредством их создает общественный порядок. Эта ошибочная концепция личности привела к деформации права, которое определяет сферу человеческой свободы, а также к отрицанию частной собственности. В самом деле, человек, лишенный всего того, что он может назвать «своим», как и возможности зарабатывать на жизнь по собственной инициативе, оказывается зависимым от общественного механизма и от тех, кто его контролирует, что чрезмерно усложняет признание им своего достоинства личности и препятствует созиданию подлинной человеческой общности.

Из христианской концепции личности, наоборот, обязательно вытекает справедливое видение общества. Согласно *Reserum novarum* и всему социальному учению Церкви, общественное измерение человека не исчерпывается в государстве, но реализуется в различных посреднических группах, начиная с семьи и вплоть до экономических, общественных, политических и культурных групп, которые, исходя из самой человеческой природы, обладают — неизменно в рамках общего блага — собственной самостоятельностью. Я назвал это «субъектностью» общества, которая, наряду с субъектностью индивидуума, была аннулирована «реальным социализмом»⁴⁰.

Если поставить затем вопрос, откуда проистекает эта ошибочная концепция природы личности и «субъектности» общества, то необходимо ответить, что первой причиной является атеизм. В ответе на призыв Божий, заключающемся в самой природе вещей, человек постепенно осознает свое трансцендентное достоинство. Каж-

дый человек должен дать этот ответ, который состоит в кульминации в нем человеческого, и никакой социальной механизм или коллективный субъект не может это заменить. Отрицание Бога лишает личность ее основ и, как следствие, приводит к реорганизации общественного порядка, абстрагируясь от достоинства и ответственности личности.

Атеизм, о котором идет речь, в конечном итоге тесно связан с просветительским рационализмом, понимающим гуманную и социальную реальность человека механически. Следовательно, отрицается наиглубиннейшее постижение подлинного величия человека, его трансцендентность по отношению к миру вещей, а также то напряжение, которое он испытывает в своем сердце между желанием полноты добра и собственной неспособностью его достичь, прежде же всего отрицается необходимость вытекающего отсюда спасения.

14. Из того же атеистического корня возникает и выбор средств осуществления, свойственных социализму, осужденному в *Rei publicae*. Речь идет о классовой борьбе. Папа, разумеется, не намеревается осуждать любую и какую бы то ни было форму социальных конфликтов: Церковь хорошо знает, что в истории неизбежно возникают столкновения интересов между различными социальными группами и что перед лицом их христианин должен отстаивать свою позицию решительно и последовательно. Энциклика «Совершая труд» недвусмысленно заявила о положительном значении конфликта, если он выступает в виде «борьбы за социальную справедливость»⁴¹, но еще энциклика «Сороковой год» указывала: «Классовая борьба, отрешившись от актов насилия и взаимной ненависти, постепенно переходит в род благородного соревнования, основанного на стремлении к справедливости»⁴².

То, что следует осуждать в классовой борьбе, это, скорее всего, саму идею конфликта, не ограниченного никакими воззрениями этической или правовой природы, который отказывается уважать достоинство другой личности (и, как следствие, — свое собственное): такой конфликт исключает, в силу этого, разумное соглашение и преследует уже не общее благо общества, а интересы какой-то его определенной части, которая свои интересы ставит выше об-

щего блага и стремится уничтожить всё, что ей противостоит. Одним словом, речь идет о возобновлении — на почве внутренних столкновений между социальными группами — доктрины «тотальной войны», какую милитаризм и империализм той эпохи навязывали в области международных отношений. Такая доктрина в поисках справедливого равновесия между интересами различных наций замещала доктрину абсолютного преобладания собственных интересов посредством уничтожения силы сопротивления противной стороны, уничтожения с использованием любых средств, не исключая лжи, террора против гражданского населения, оружия массового уничтожения (которое именно в эти годы начинало проектироваться). Следовательно, классовая борьба в марксистском смысле и милитаризм имеют одни и те же корни: атеизм и пренебрежение человеческой личностью, что приводит к преобладанию принципа силы над принципом разума и права.

15. *Res publica* противится огосударствлению средств производства, которое превратило бы каждого гражданина в «деталь» шестереночного механизма государства. Не менее решительно она подвергает критике концепцию государства, которое оставляет сектор экономики всецело вне сферы собственных интересов и действий. Естественно, существует законная сфера независимости экономики, в которую государство не должно вмешиваться: однако оно ставит задачу определять юридические рамки, внутри которых развиваются экономические отношения, и охранять, таким образом, первоначальные условия свободной экономики, которые предполагают определенное равенство между сторонами так, чтобы одна из них не могла стать сильнее другой и низвести ее практически до рабского состояния⁴³.

В этом отношении *Res publica* указывает путь справедливых реформ, которые возвращают труду его достоинство свободной деятельности человека. Они предполагают принятие на себя ответственности со стороны общества и государства, ответственности, направленной прежде всего на защиту трудящегося от безработицы. Исторически это было проверено двумя сходными способами: либо экономической политикой, направленной на обеспечение уравновешенного роста и условий полной занятости, либо путем

социальной защиты от безработицы и политикой профессиональной переквалификации, способной облегчить переход трудящихся из переживающих кризис отраслей в развивающиеся.

Помимо того, общество и государство должны обеспечить уровни заработной платы, достаточные для содержания трудящегося и его семьи, включая известные сбережения. Все это требует усилий, чтобы предоставить трудящимся лучшие условия и возможности, дабы их труд становился более квалифицированным и продуктивным; но требует также прилежного контроля и соответствующих законодательных мер для устранения постыдных явлений эксплуатации, особенно в ущерб трудящимся менее способным, иммигрантам или оказавшимся за бортом жизни. Решающей в этой области представляется роль профсоюзов, которые устанавливают минимальную заработную плату и оговаривают условия труда. Наконец, необходимо гарантировать соблюдение «человеческого» распорядка труда и отдыха, помимо права на проявление себя как личности на рабочем месте, без какого-либо ущерба для своей совести и достоинства. Огромная роль в этом отводится профсоюзам, не только как инструменту заключения трудовых соглашений, но и как «мест», где находит выражение субъектность трудящихся. Они служат развитию подлинной культуры труда и помогают трудящимся участвовать полноценно и по-человечески в жизни предприятия⁴⁴.

В достижении этих целей государство должно принимать участие как непосредственно, так и косвенно. Косвенно и согласно принципу распределения компетенции — создавая благоприятные условия для свободной экономической деятельности, которая могла бы во множестве предоставить рабочие места и источники для обогащения. Непосредственно и согласно принципу солидарности — полагая в защиту самых слабых некоторые ограничения автономии тех, кто решает условия труда, и обеспечивая в любом случае жизненный минимум для безработного⁴⁵.

Энциклика и социальное учение Церкви, с нею связанное, имели многообразное влияние в период между XIX и XX столетиями. Это влияние отражается в многочисленных реформах, проведенных в области социального обеспечения, пенсий, здравоохранения,

техники безопасности, в рамках большего уважения прав трудящихся⁴⁶.

16. Реформы были частично осуществлены государствами, но в борьбе за их достижение сыграли важную роль акции рабочего движения. Возникшее как реакция нравственного сознания на ситуации несправедливости и причиненного зла, это движение развернуло широкую профсоюзную, реформаторскую деятельность, свободную от идеологических туманностей и более приближенную к повседневным нуждам трудящихся, и в этом контексте его усилия не раз объединялись с усилиями христиан, стремящихся к улучшению условий жизни трудящихся. Впоследствии это движение, в известной степени, подпало под доминирующее влияние той марксистской идеологии, которую осудила *Reserum novarum*.

Эти реформы явились также результатом свободного процесса самоорганизации общества путем налаживания действенных средств солидарности, благодаря которым стал возможным экономический рост, более отвечающий ценностям личности. Уместно вспомнить здесь многообразную деятельность, при значительном вкладе христиан, по созданию производственных потребительских и кредитных кооперативов, по расширению народного образования и профессиональной подготовки, по экспериментированию различных форм участия в жизни предприятия и в жизни общества в целом.

Итак, оглядываясь назад, есть все основания возблагодарить Бога за то, что великая энциклика не осталась без отклика в человеческих сердцах и стала стимулом для деятельности на благо ближнего. Тем не менее, необходимо признать, что содержавшееся в ней пророческое предсказание не было в полной мере услышано людьми той эпохи, и именно это стало причиной многих несчастий.

17. Перечитывая энциклику в контексте всего богатого учением наследия Льва XIII⁴⁷, нельзя не заметить, что она указывает, по сути дела, на последствия в социально-экономической сфере некоей ошибки огромного значения. Ошибка, как было нами сказано, кроется в концепции человеческой свободы, оторванной от подчинения истине и, следовательно, от обязанности уважать права других людей. Содержанием свободы становится тогда любовь к самому се-

бе вплоть до пренебрежения Богом и ближним, любовь, которая ведет к безграничному утверждению собственных интересов и не дает ограничить себя никакими обязанностями справедливости⁴⁸.

Именно эта ошибка явилась результатом трагического ряда войн, которые потрясли Европу и мир в период между 1914 и 1945 годами. То были войны, начало которым было положено милитаризмом и агрессивным национализмом, и связанным с ними формами тоталитаризма; войны, ставшие следствием классовой борьбы, гражданских и идеологических войн. Без чудовищного груза ненависти и обид, накопившегося в результате стольких несправедливостей как на международном уровне, так и внутри отдельных государств, невозможны были бы столь жестокие войны, в которые была вложена энергия великих держав и в которых не останавливались перед нарушением самых священных прав человека, раз было запланировано и осуществлено истребление целых народов и социальных групп. Вспомним особенно здесь еврейский народ, ужасная судьба которого стала символом заблуждения, какого может достичь человек, если он обращается против Бога.

И однако, ненависть и несправедливость овладевают целыми народами и побуждают их к действиям только тогда, когда их легитимирует и организывает идеология, опирающаяся на них, а не на истину о человеке⁴⁹. *Regum potatum* оспаривала идеологию ненависти и указывала пути для уничтожения насилия и злобы посредством справедливости. Да поможет воспоминание об этих страшных событиях руководить действиями всех людей и в особенности правителями народов нашей эпохи, в которой новые формы несправедливости разжигают новую ненависть и намечают горизонты новых идеологий, восхваляющих насилие.

18. Правда, начиная с 1945 года пушки на Европейском континенте молчат; однако истинный мир — надо об этом помнить — никогда не является результатом военной победы, но включает в себя преодоление причин войны и подлинное примирение между народами. Вместе с тем долгие годы существовавшую в Европе и во всем мире ситуацию определяло скорее отсутствие войны, чем подлинный мир. Половина континента подпала под господство коммунистической диктатуры, тогда как другая половина

организовывалась для защиты от такой опасности. Многие народы, теряя возможность распоряжаться собой, оказались в тесных границах империи, стремившейся к уничтожению их исторической памяти и вековых традиций культуры. Огромные массы людей, вследствие такого насильственного разделения, вынуждены были покидать свои земли или становиться жертвами принудительной депортации.

Безумная гонка вооружений поглощает ресурсы, необходимые для развития внутренней экономики и для помощи самым обездоленным народам. Научный и технический прогресс, который должен бы продвигать благосостояние человечества, превращается в орудие войны: наука и техника используются для производства все более совершенного и разрушительного оружия, между тем как от идеологии, представляющей собой извращение подлинной философии, требуют доктринальных оправданий новой войны. И эта война не просто ожидается и готовится, но и осуществляется с колоссальными кровопролитиями в различных частях мира. Логика блоков, или империй, подвергнутая обличению в документах Церкви и недавно в энциклике «Забота о социальной действительности»⁵⁰, приводит к тому, что споры и несогласия, возникающие в странах третьего мира, систематически раздуваются и используются для создания трудностей противнику.

Экстремистские группы, которые стремятся разрешить такие споры оружием, легко находят политическую и военную поддержку, их вооружают и готовят к войне, тогда как тот, кто пытается найти мирные и гуманные решения при уважении законных интересов всех сторон, остается изолированным и часто становится жертвой своих противников. Точно так же и милитаризация многих стран третьего мира и братоубийственные войны, терзающие их, распространение терроризма и все более варварских средств военно-политической борьбы являются одной из главных причин в ненадежности того мира, который установился после окончания Второй мировой войны. Наконец, над всем миром нависает угроза атомной войны, способной привести к полному уничтожению всего человечества. Наука, используемая в военных целях, предоставляет в распоряжение ненависти, раздуваемой идеологиями, решаю-

щее средство. Но война может закончиться без победителей и без побежденных самоубийством человечества, и потому необходимо отвергать логику, ведущую к ней, идею, будто бы борьба за уничтожение противника, противоречия и сама война суть факторы прогресса и продвижения истории вперед⁵¹. Сознательный отказ от такой идеи неминуемо приводит к нарушению как логики «тотальной войны», так и логики «классовой борьбы».

19. В конце Второй мировой войны, однако, такое развитие еще только начинает формироваться в сознании, и единственное, что привлекает внимание, — это распространение коммунистического тоталитаризма на более чем половину Европы и на отдельные части мира. Война, которая должна была бы возратить свободу и восстановить международное право, завершается без достижения этих целей; более того, для многих народов — особенно для тех, кто перенес наибольшие страдания, результат оказался прямо противоположным. Можно сказать, что ситуация столкнулась с разными реакциями.

В некоторых странах и в некоторых областях предприняты конструктивные усилия по восстановлению разрушенного во время войны демократического общества, вдохновляемого идеалами социальной справедливости, которое лишает коммунизм революционного потенциала в виде эксплуатируемых и угнетенных масс. Такие попытки нацелены обычно на поддержание механизма свободного рынка, обеспечения — посредством стабильности валюты и надежности общественных отношений — условий постоянного и здорового экономического роста, при котором люди имеют возможность создавать своим трудом лучшее будущее — для себя и своих детей. В то же время эти страны стремятся избежать того, чтобы рыночные механизмы стали единственным отправным моментом совместной жизни, и стремятся подчинить их государственному контролю, что делает действенным принцип общего предназначения земных благ. Относительно большой выбор работы, прочная система социального обеспечения и профессионального обучения, свобода ассоциаций и решающая роль профсоюзов, страхование на случай безработицы, средства, обеспечивающие демократическое участие в общественной жизни, — в таком контексте

высвобождается труд, который перестает быть «товаром» и гарантируется его достойное выполнение.

Имеются, далее, и другие социальные силы и идейные движения, которые противостоят марксизму созданием систем «национальной безопасности», они стремятся до мелочей контролировать все общество, чтобы воспрепятствовать инфильтрации марксизма. Высоко вознося и усиливая государственную мощь, они намереваются оградить свои народы от коммунизма; но при таком образе действий существует серьезная опасность уничтожения той свободы и тех ценностей личности, во имя которых следует ему сопротивляться.

Наконец, еще одну форму практического ответа на коммунизм представляет собой общество обогащающихся, или общество потребителей. Оно стремится нанести поражение марксизму на почве чистого материализма, демонстрируя, каким образом общество свободного рынка в состоянии достичь более полного удовлетворения материальных потребностей человека, чем тех, что обещал коммунизм, исключая при этом духовные ценности. В действительности, если верно то, что эта социальная модель свидетельствует о крахе марксизма в его попытке построить новое и лучшее общество, то вместе с тем, отрицая независимое существование и ценность морали, права, культуры и религии, она сближается с ним в низведении жизни человека до сферы экономики и удовлетворения материальных потребностей.

20. В тот же самый период происходит грандиозный процесс «деколонизации», в ходе которого многие страны приобретают или восстанавливают свою независимость и право свободно распоряжаться собою. Однако формальное завоевание государственного суверенитета для этих стран часто оказывается первым шагом на пути созидания подлинной независимости. Фактически решающие секторы экономики все еще продолжают оставаться в руках больших иностранных предприятий, которые не собираются постоянно связывать себя с развитием принявшей их страны, даже сама политическая жизнь контролируется внешними силами, тогда как в пределах границ государства сосуществуют группы племен, еще не включившихся в подлинно национальную общину. Помимо то-

го, не хватает компетентных специалистов, способных профессионально обеспечить честное и нормальное функционирование государственного аппарата, и недостает также кадров для эффективно и ответственного управления экономикой.

При возникновении подобной ситуации многим представляется, будто марксизм можно предложить в качестве кратчайшего пути для воссоздания нации и государства, и отсюда возникают различные варианты социализма со специфическим национальным характером. Перемешиваются, таким образом, во многих идеологиях, которые формируются по меркам, меняющимся от случая к случаю, законные требования национального освобождения, формы национализма и даже милитаризма, принципы, извлеченные из старых народных традиций, порой созвучные христианскому социальному учению и концепциям марксизма-ленинизма.

21. Наконец, следует напомнить о том, что после Второй мировой войны, в частности, как реакция на ее ужасы, усилилось и стало более живым осознание прав человека, что нашло признание в различных Международных документах⁵² и, можно было бы сказать, в разработке нового «международного права», чему Святейший Престол оказывал постоянную поддержку. Стержнем этой эволюции стала Организация Объединенных Наций. Не только укрепилось сознание права отдельной личности, но и сознание права целых народов, а также лучше поднимается необходимость действовать в целях преодоления заметного неравенства между различными географическими ареалами мира, что, в известном смысле, способствовало смещению центра тяжести социального вопроса из национальной среды в международную сферу⁵³.

С удовлетворением отмечая этот процесс, нельзя все же не сказать о том факте, что далеко не всегда положителен общий баланс различных программ помощи делу развития. Помимо того, Организации Объединенных Наций до сих пор не удалось найти действенных средств для решения международных конфликтов, альтернативных войнам, и именно это представляется самой насущной проблемой, какую должно будет решать международное сообщество.

Часть III

Год 1989-й

22. Исходя из ситуации в мире, подробно мною изложенной в энциклике «Забота о социальной действительности», можно посмотреть и на целый ряд неожиданных и многообещающих событий последних лет. Их кульминацией, несомненно, стали события 1989 года в странах Центральной и Восточной Европы, но охватывают они более широкий период и географический горизонт. В течение 80-х годов в некоторых странах Латинской Америки, а также в Африке и Азии постепенно стали рушиться сложившиеся режимы диктаторства и угнетения. В других странах делается попытка перейти — пусть с трудом, но плодотворно — к более справедливым политическим формам, позволяющим и большее участие граждан в жизни страны. Важной, даже решающей стала деятельность Церкви по защите и поддержанию прав человека: в той среде, которая была под особо сильным влиянием идеологии, где принадлежность к какой-либо группе заслоняла сознание общего человеческого достоинства, Церковь утверждала со всей простотой и энергией, что каждый, независимо от своих личных убеждений, несет в себе образ Божий, а потому заслуживает уважения. Эта позиция была не раз свойственна подавляющему числу людей, что и приводило к поискам таких форм борьбы и политических решений, которые в большей степени проявляют уважение к достоинству человеческой личности.

В результате этого исторического процесса возникли новые формы демократии, хрупкие структуры которых — политические и социальные — открывают дорогу надежде на перемены, хотя они и отягощены тяжелым наследием несправедливости и зла, не говоря уже о бедственном экономическом положении и серьезных социальных конфликтах. В то время как вместе со всей Церковью я благодарю Бога за то свидетельство, часто героическое, которое дали многие пастыри, целые христианские общины, отдельные верующие, а также другие люди доброй воли в таких трудных условиях, я молюсь, дабы Он поддержал всех в усилиях по созиданию лучшего будущего. На самом деле эта ответственность лежит не только на

гражданах названных стран, но и на всех христианах и людях доброй воли. Речь идет о том, чтобы показать, что сложные проблемы этих народов могут быть разрешены путем диалога и солидарности, а не борьбой за уничтожение противника и военными действиями.

23. Среди многочисленных факторов падения режимов угнетения некоторые заслуживают особого напоминания. К решающим факторам, положившим начало изменениям, относится, без сомнения, нарушение прав труда. Нельзя забывать, что фундаментальный кризис систем, претендовавших быть выразителями позиции правительства и даже диктатуры пролетариата, начался с важнейших движений, которые произошли в Польше во имя солидарности. Массы трудящихся отказывались признавать законной идеологию, выступающую от их лица, они находили, а то и заново для себя открывали, опираясь на собственный тяжелый опыт труда и угнетения, принципы и понятия социальной доктрины Церкви.

Следует далее отметить и тот факт, что к падению подобного «блока», или империи, почти повсюду пришли мирным путем, в такой борьбе, где в качестве оружия используются лишь истина и справедливость. И если марксизм считал, что, обостря социальные противоречия, можно якобы прийти к их решению путем открытых столкновений, то такого рода мирная борьба способствовала краху марксизма, она упорно отстаивала все виды переговоров и диалога, предоставляя свидетельство истине, призывая к совести противника и стремясь разбудить в нем чувство общего человеческого достоинства.

Казалось, будто европейский порядок, установившийся в результате Второй мировой войны и освященный Ялтинскими соглашениями, мог быть ниспровергнут только другой войной. Напротив, он оказался преодоленным ненасильственным путем и усилиями людей, которые — неизменно отказываясь уступать могуществу силы — сумели раз за разом находить действенные формы для свидетельства истины. Это разоружило противника, так как насилие всегда нуждается в оправдании ложью, надевая на себя, пусть и фальшивую, маску защиты права или ответа на угрозы других⁵⁴. Благодарю еще раз Бога, Который укрепил сердца людей во время тяжелого испытания, молясь о том, чтобы такой пример оказался

действенным в других местах и при других обстоятельствах. Да начнутся люди бороться за справедливость, не прибегая к насилию, отказываясь от классовой борьбы во внутренних конфликтах и от войны в конфликтах международных.

24. Вторым фактором кризиса явилась, несомненно, неэффективность экономической системы, которую следует рассматривать не как проблему только техническую, но, скорее, как результат нарушения прав человека к предпринимательству, на собственность и на свободу в экономике. К этому аспекту следует присоединить также культурный и национальный: невозможно понять человека односторонне, исходя из его экономической деятельности, как невозможно определить его на основе классовой принадлежности. Человека можно понять самым исчерпывающим образом, если рассматривать его в сфере культуры, посредством языка, истории и той позиции, которую он занимает относительно главных экзистенциальных моментов, какими являются рождение, любовь, работа, смерть. Ось любой культуры составляет отношение человека к самой великой тайне: тайне Бога. Культуры различных народов представляют собой разнообразные способы ответа на вопрос о смысле личного существования: когда такой вопрос устраняется, разрушается культура и нравственная жизнь народов. Вот почему борьба за охрану труда непосредственно связана с борьбой за культуру и национальные права.

Истинная, однако, причина возникновения «новых вещей» — это духовный вакуум, порожденный атеизмом, который лишил молодых людей ориентиров, и они в неустанных поисках самосознания и смысла жизни заново открывали для себя религиозные истоки своего народа и Самой Личности Христа как экзистенциально отвечающего их стремлению к благу, истине и жизни, которое заключено в сердце каждого человека. Эти поиски укреплялись свидетельствами тех, кто при трудных обстоятельствах и в условиях преследования остался верным Богу. Марксизм обещал искоренить всякую потребность в Боге из сердца человека, но в результате оказалось, что нельзя этого достичь, не вызвав душевного потрясения.

25. События 1989 года являют пример успеха как доброй воли к переговорам, так и евангельского духа в отношении противни-

ка, решившего не связывать себя нравственными принципами: они служат предупреждением тем, кто во имя политического реализма хотел бы изгнать с политической арены право и мораль. Естественно, борьба, которая привела к изменениям 1989 года, потребовала ясности ума, умеренности, страданий и жертв; в известном смысле, она возникла из молитвы и была бы невыносимой вне беспредельного доверия к Богу, Господу истории, в руках Которого лежат сердца людей. Только соединяя собственные страдания ради истины и свободы со Страстями Христа на Кресте, человек способен совершить чудо в мире и в состоянии различить часто тонкую грань между трусостью, которая уступает злу, и насилием, которое, обольщаясь тем, что оно борется со злом, на самом деле лишь его усугубляет.

Однако невозможно обойти молчанием бесчисленные формы обусловленности, среди которых есть и свобода отдельного человека: да, можно говорить о детерминированности свободы, но никакие условия не определяют свободы до конца: они могут сделать более или менее легким ее проявление, но они не в состоянии ее уничтожить. Не только непозволительно с этической точки зрения пренебрегать человеческой природой, которая создана для свободы, но это даже невозможно осуществить на практике. Там, где общество организуется, произвольно сокращая или даже подавляя сферу, в какой законно осуществляется свобода, общественная жизнь постепенно затухает и приходит в упадок.

Помимо этого, созданный для свободы человек несет в себе рану первородного греха, который постоянно влечет его ко злу и порождает в нем необходимость в искуплении. Это учение не только составляет неотъемлемую часть христианского Откровения, но и обладает также громадной герменевтической ценностью, поскольку помогает лучше понять человеческую действительность. Человек стремится к добру, но способен также на зло; он может подняться над своим непосредственным интересом и все же быть связанным с ним. Общественный порядок будет тем прочнее, чем более будет он учитывать этот факт и не будет противопоставлять личные интересы интересам общества в целом, а будет, скорее, искать способов для их плодотворной координации. Действительно,

там, где индивидуальный интерес насильственно подавляется, он замещается тяжеловесной системой бюрократического контроля, который иссушает источники предприимчивости и творчества. Когда люди претендуют на обладание секретом совершенной общественной организации, которая исключает зло, они полагают также возможным пользоваться всеми средствами, в том числе насилием и ложью для ее осуществления. Политика становится в таком случае «секулярной религией», живущей иллюзией построения рая в этом мире. Но никакое политическое общество, обладающее своей собственной автономностью и своими собственными законами⁵⁵, никогда не сможет смешаться с Царством Божиим. Евангельская притча о добром семени и плевелах (см. Мф 13, 24–30; 36–43) учит, что одному Богу надлежит разделять сынов Царства и сынов Лукавого и что такой суд будет иметь место в конце времен. Претендуя на проведение такого суда уже сейчас, человек подменяет собою Бога и испытывает Его долготерпение.

Благодаря жертве Христовой на Кресте Царство Небесное было завоевано раз и навсегда; однако условия существования христианина подразумевают борьбу против искушений и сил зла. Лишь в конце истории Господь вернется во славе для Последнего Суда (см. Мф 25, 31) с установлением новых небес и новой земли (см. 2 Петр 3, 13; Откр 21, 1), но, пока длится время, борьба между добром и злом продолжается, даже в сердце человеческом.

То, чему Священное Писание учит нас о порядке судеб Царства Божия, не остается без последствий для жизни временных обществ, которые — как подразумевает прилагательное — принадлежат реальности временной со всем тем, что она заключает в себе несовершенного и преходящего. Царство Божие присутствует в мире, не будучи от мира сего; оно освещает порядок человеческого общества, тогда как сила благодати пронизывает его и оживляет. Таким образом лучше различаются потребности общества, достойного человека, исправляются отклонения и укрепляется мужество для работы на благо ближнего. К такой задаче евангельского воодушевления человеческой действительности призваны, в единстве со всеми людьми доброй воли, христиане и в особенности миряне⁵⁶.

26. События 1989 года разворачивались преимущественно

в странах Восточной и Центральной Европы; однако они имеют всемирное значение, так как здесь берут начало положительные и отрицательные результаты, которые касаются всей человеческой семьи. Эти последствия не имеют ни механического, ни фатального характер, а, скорее, представляют собой те возможности, которые открываются человеческой свободе для сотрудничества с милосердным промыслом Божиим, действующим в истории.

Первым таким результатом стала в некоторых странах встреча Церкви с рабочим движением как непосредственная реакция этического характера и, безусловно, христианского духа на широко распространившуюся несправедливость. Почти целое столетие это движение находилось отчасти под давлением марксизма, питаясь убеждением, что пролетарии якобы во имя борьбы против эксплуатации должны осваивать материалистические (преимущественно экономические) теории.

При кризисе марксизма проявили себя спонтанные формы рабочего сознания, выражающие требование справедливости и признание достоинства труда, согласно социальной доктрине Церкви⁵⁷. Рабочее движение вливается в более широкое движение людей мира труда и людей доброй воли, в движение за освобождение человеческой личности и утверждение ее прав; оно охватывает сегодня многие страны и, не противопоставляя себя католической Церкви, внимательно за ней наблюдает.

Кризис марксизма не устраняет в мире несправедливости и угнетения, которые он использовал в своих интересах, питая ими и сам марксизм. Тем, кто сегодня вырабатывает подлинно новую теорию и практику освобождения, Церковь предлагает не только свою социальную доктрину и вообще свое учение о личности, искупленной во Христе, она также считает своей прямой обязанностью бороться с обездоленностью и страданием.

В недавнем прошлом искреннее желание встать на сторону угнетенных и не уклониться от движения истории заставляло многих верующих прибегать к различным способам недопустимого компромисса между марксизмом и христианством. Наше время, преодолевая все то, что было неудачного в этих попытках, побуждает вновь подтвердить положительное значение подлинного бого-

словия целостного освобождения человека⁵⁸. Если рассматривать события 1989 года с этой точки зрения, то они представляются важными также и для стран третьего мира, которые находятся в поисках путей собственного развития, как это было в свое время со странами Центральной и Восточной Европы.

27. Второй результат непосредственно касается народов Европы. Много несправедливого — в плане индивидуальном и социальном, региональном и национальном — было совершено в годы коммунистического господства, а даже и раньше; накопились ненависть и злоба. Есть реальная опасность, что все это с новой силой вспыхнет после крушения диктатуры, вызывая серьезные конфликты и кровопролития, если на помощь не придут моральная стойкость и сознание свидетельствовать истину, как это было в прошлом. Давайте пожелаем, чтобы ненависть и насилие не восторжествовали в сердцах, особенно тех, кто борется за справедливость, и чтобы дух мира и прощения приумножался.

Однако нужны конкретные шаги по созданию и укреплению международных структур, которые в случае необходимости были бы способны взять на себя роль арбитра и вмешаться в конфликты, возникающие между странами, с тем чтобы каждая из них могла, уважая собственные права, найти пути к справедливому соглашению и мирно урегулировать их с правами других. Все это особенно необходимо для европейских народов, тесно связанных между собою узами общей культуры и тысячелетней истории. Нужны огромные усилия для восстановления нравственной и экономической жизни в странах, покончивших с коммунизмом. Долгое время здесь искажались самые элементарные экономические связи, а главные добродетели, неразрывно связанные с экономикой, — такие, как искренность, доверие, трудолюбие, — были подавлены. Необходимо терпеливая работа по реконструкции материального и морального порядка, в то время как народы, изнуренные длительными лишениями, требуют от своих властей ощутимых и немедленных результатов в виде материального благополучия и адекватного удовлетворения их законных чаяний.

Падение марксизма, естественно, возымело далеко идущие последствия в виде раздела на миры, закрытые один от другого и рев-

ниво конкурирующие между собою. Оно выявляет с еще большей определенностью реальность взаимозависимости народов, равно как и тот факт, что человеческий труд по своей природе предназначен объединять народы, а не разделять их. В самом деле, мир и благополучие суть блага, которые принадлежат всему человеческому роду, так как невозможно пользоваться ими правильно и в течение продолжительного времени, если они приобретаются и сохраняются в ущерб другим народам и странам, нарушая их права или лишая их источников благосостояния.

28. Для некоторых стран Европы начинается, в известном смысле, подлинно послевоенный период. Радикальная реорганизация экономики, которая вплоть до вчерашнего дня была обобщественной, влечет за собой проблемы и жертвы, сравнимые с теми, какие пережили западные страны континента при своей реконструкции после окончания Второй мировой войны. Было бы справедливо поддержать бывшие коммунистические страны в их нынешних трудностях солидарным усилием других народов. В первую очередь, естественно, они сами должны стать творцами своего развития; но им следует предоставить разумную возможность для его осуществления, а этого не может произойти без помощи других стран. В конце концов, нынешние трудности и лишения есть следствие исторического процесса, в котором бывшие коммунистические страны часто стновились объектом, а не субъектом, и потому оказались в данной ситуации не в силу свободного выбора или по причине совершенных ими ошибок, а в результате трагических исторических событий, навязанных им силой, что воспрепятствовало их экономическому и гражданскому развитию.

Помощь со стороны других стран, прежде всего европейских — составляющих часть той же самой истории и несущих на себе ответственность — есть долг справедливости. Но она отвечает также интересам и общему благу Европы, которой не удастся сохранить мир, если различного рода конфликты, возникающие вследствие прошлых заблуждений, будут возрастать под воздействием экономической неурядицы, духовной неудовлетворенности и отчаяния.

Эта настоятельная потребность, однако, не должна приводить к

отказу в поддержке и помощи странам третьего мира, которые зачастую страдают в условиях еще более тяжелых лишений и бедности⁵⁹. Необходимо мобилизовать все ресурсы, которыми мир располагает в достаточном количестве, для экономического роста и общего развития, чтобы перераспределить приоритеты и шкалу ценностей, на основе чего решается экономический и политический выбор. Значительные ресурсы могут оказаться доступными путем разоружения огромных военных систем, созданных из-за конфликта между Востоком и Западом. Они могут стать еще более значительными, если удастся провести достойные доверия процедуры, альтернативные войнам, для решения конфликтов, и, следовательно, распространить принцип контроля и сокращения вооружений также и на страны третьего мира, приняв соответствующие меры против торговли оружием⁶⁰. Но прежде всего необходимо отказаться от тех умонастроений, согласно которым бедные — как отдельные лица, так и целые народы, — это груз и досадная помеха — те, кто претендует на потребление того, что производят другие. Бедные имеют права участвовать в пользовании материальными благами и хотят вкладывать свои способности к работе, трудясь таким образом на процветание мира, справедливого для всех. Повышение благосостояния бедных — это счастливая возможность для морального, культурного, а также экономического роста всего человечества.

29. Наконец, развитие не должно пониматься исключительно в смысле экономическом, но в смысле всецело человеческом⁶¹. Речь идет не только о том, чтобы поднять все народы до уровня, на каком находятся сегодня самые богатые страны, но о том, чтобы путем солидарного труда построить более достойную жизнь, активно способствовать возрастанию достоинства и творческих способностей каждой отдельной личности, ее умению соответствовать собственному призванию и, следовательно, призыву Бога, в нем заключенному. Кульминацией развития является осуществление права — обязанности Богоискания, познания Бога и жизни согласно этому познанию⁶². В тоталитарных и авторитарных режимах был доведен до крайности принцип примата силы над разумом. Человек был вынужден подчиняться мировоззрению, навязанному ему силой, а не выработанному собственным разумом и на основе личной сво-

боды. Необходимо отбросить этот принцип и признать всецело права человеческой совести, связанной только с истиной и как таковой, и открывшейся. В признании этих прав заключается первооснова всякого подлинно свободного политического устройства⁶³. Важно вновь подчеркнуть этот принцип по трем причинам:

а) поскольку давние формы тоталитаризма и авторитаризма не преодолены еще в полной мере и, более того, существует риск, что они вновь обретут силу, требуются возобновленные усилия сотрудничества и солидарности всех стран;

б) поскольку в развитых странах время от времени действует излишняя пропаганда чисто утилитарных ценностей, что безудержно поощряет разгул инстинктов и желание немедленного их удовлетворения, возникают препятствия к признанию и уважению подлинной иерархии ценностей человеческого существования;

в) поскольку в некоторых странах появляются новые формы религиозного фундаментализма, которые завуалированно или даже открыто, отказывают гражданам, исповедующим веру, отличную от веры большинства населения, в возможности полного осуществления их гражданских и религиозных прав, не позволяют им участвовать в культурной жизни, ограничивают право Церкви проповедовать Евангелие и право людей, слушающих Благую Весть, принимать ее и обращаться ко Христу. Никакой подлинный прогресс невозможен без уважения естественного и первостепенного права человека познавать истину и жить в соответствии с нею. С этим правом связано, помимо его применения и углубления, право открывать для себя и свободно принимать Иисуса Христа, Который есть истинное благо человека⁶⁴.

Часть IV

Частная собственность и всеобщее предназначение благ

30. В *Rerum novarum* Лев XIII, энергично и аргументированно низвергая социализм своей эпохи, утверждал естественный харак-

тер права частной собственности⁶⁵. Это право, лежащее в основе независимости и развития человеческой личности, неизменно защищалось Церковью вплоть до наших дней. Равным образом Церковь учит, что владение имуществом не есть абсолютное право, но по самой природе человеческого права заключает в себе известные пределы.

Провозглашая право частной собственности, Папа утверждал с такой же ясностью, что «пользование» имуществом, доверенное свободе, подчинено первоначальному общему предназначению сотворенных благ, а также воле Иисуса Христа, выраженной в Евангелии. Действительно, Папа писал: «Облагодетельствованные судьбой, следовательно, предупреждены... богатые должны трепетать при мысли об угрозах Иисуса Христа... об использовании своих богатств они должны будут когда-нибудь дать суровый ответ Небесному Судии»; и, цитируя св. Фому Аквинского, добавлял: «Но если задаться вопросом, как следует пользоваться такими благами, Церковь... без колебаний отвечает, что в этом отношении человек не должен смотреть на свои материальные владения как на принадлежащие ему, но как на общее достояние всех, ибо поверх законов и суда человеческого есть другой закон — суд Христов»⁶⁶.

Преемники Льва XIII подтвердили это двойное определение: необходимость и, следовательно, допустимость частной собственности и вместе с тем наложенные на нее пределы⁶⁷. Также и Второй Ватиканский Собор вновь сослался на традиционное учение в словах, которые здесь следует привести: «Человек, пользуясь этими благами, должен рассматривать вещи, которыми он законно обладает, не как принадлежащие только ему, но так же как общие, в том смысле, что они должны идти на пользу не только ему одному, но и другим». И немного дальше: «Частная собственность или некое владение материальными благами обеспечивает каждому совершенно необходимый простор для личной и семейной независимости и должно рассматриваться как продолжение человеческой свободы... По самой своей природе частная собственность имеет социальный характер, который основан на законе общего назначения благ»⁶⁸. Эту же самую доктрину я продолжил сначала в обращении к III Конференции латиноамериканского Епископата в Пуэбло и за-

тем в энцикликах «Совершая труд» и «Забота о социальной действительности»⁶⁹.

31. Перечитывая это учение о праве на собственность и предназначении благ для всех в отношении нашего времени, можно поставить вопрос о происхождении благ, которые поддерживают жизнь человека, удовлетворяют его потребности и являются объектом его прав.

Первопричина всего того, что есть благо, — это само действие Бога, Который сотворил землю и человека и дал человеку землю, дабы он господствовал над нею своим трудом и пользовался плодами ее (см. Быт 1, 28–29). Бог дал землю всему роду человеческому, чтобы она кормила всех его членов, не исключая никого и никого не ставя в привилегированное положение. Здесь заложены корни всеобщей предназначенности благ земли. Она, по причине своего плодородия и способности удовлетворять потребности человека, есть первый дар Бога для поддержания человеческой жизни. Но земля не дает свои плоды без специфического ответа человека на дар Божий, то есть без труда: именно посредством труда человек, пользуясь своим умом и своей свободой, может господствовать над нею и делать из нее свое достойное жилище. Таким образом, он делает своей собственностью часть земли, которую завоевывает трудом. Этим определяется возникновение индивидуальной собственности. И, естественно, на нем лежит также ответственность не препятствовать тому, чтобы и другие люди возымели свою часть дара Божия, более того, он должен сотрудничать с ними, чтобы вместе господствовать над всей землей.

В истории постоянно обнаруживаются эти два фактора, труд и земля; они лежат в основе любого человеческого общества; не всегда, однако, они находятся в равноправных отношениях между собой. Какое-то время естественное плодородие земли казалось и было фактически главным фактором богатства, в то время как труд был в помощь и для поддержки такого плодородия. В наше время становится все более заметной роль человеческого труда как производительного фактора богатств нематериальных и материальных; помимо этого становится очевидным и то, как труд одного человека естественно переплетается с трудом других людей. Сегодня, как

никогда, работать значит работать с другими и работать для других: делать что-то для кого-то. Труд тем более становится плодотворным и производительным, чем больше человек способен распознавать производительные возможности земли и глубже познавать потребности другого человека, для которого труд совершается.

32. Но существует еще и другой вид собственности, особенно в наше время, который приобретает значение не меньшее, чем собственность на землю: это обладание знаниями, техникой и умением. На виде собственности базируется богатство промышленно развитых стран в гораздо большей степени, чем на владении природными ресурсами.

Здесь было подчеркнуто, что человек работает вместе с другими людьми, участвуя в некоем «общественном труде», охватывающем все более широкие круги. Кто производит какой-то предмет, обычно делает это не для того только, чтобы пользоваться им лично, но и для того, чтобы другие могли пользоваться им, заплатив справедливую цену, установленную с общего согласия путем свободных переговоров. Но именно способность узнавать своевременно потребности других людей и знать сочетания наиболее подходящих производственных факторов, удовлетворяющих их, составляет еще один важный источник богатств современного общества. В конце концов, есть блага, которые не могут быть произведены надлежащим образом в результате усилий одного только индивидуума — они требуют сотрудничества многих для достижения той же самой цели. Организовать такое производственное усилие, запланировать его продолжительность во времени, позаботиться, чтобы оно положительно отвечало потребностям, которые нужно удовлетворить, идя на необходимый риск, — все это тоже представляет собой источник богатства нынешнего общества. Таким образом, становится все более очевидной и решающей роль человеческого труда, дисциплинированного и творческого, а также — как существенная часть такого труда — способность к предприимчивости и предпринимательству⁷⁰.

Такой процесс, который конкретно бросает свет на истину о человеческой личности, постоянно утверждаемую христианством, должен рассматриваться со вниманием и благожелательностью. В самом деле, главным ресурсом человека наряду с землей является

сам человек. Именно его разум позволяет раскрыть производительный потенциал земли и многообразные способы, какими могут быть удовлетворены человеческие потребности. Именно его дисциплинированный труд, в солидарном сотрудничестве, способствует созданию трудовых общин, все более обширных и надежных, работающих над преобразованием естественной среды обитания и самой человеческой среды. В этом процессе участвуют такие важные качества, как усердие, трудолюбие, здравомыслие в допущении разумного риска, доверие и верность в межличностных отношениях, твердость при исполнении трудных и мучительных решений, необходимых, однако, для работы предприятия в целом, и противостояние возможным неудачам.

Современная экономика предприятия влечет за собой положительные стороны, корень которых — свобода личности, находящая свое выражение в экономической и во многих других областях. Действительно, экономика представляет собою сектор многообразной человеческой деятельности, и в ней, как в любой другой области, имеет вес право на свободу, равно как и обязанность ответственно ее использовать. Однако следует учесть, что существуют специфические различия между этими тенденциями современного общества и тенденциями даже недавнего прошлого. Если когда-то решающим фактором производства была земля, а позже капитал, понимаемый как совокупность орудий производства, сегодня решающим фактором во все большей степени становится сам человек, то есть его способность к познанию, выявляющаяся посредством научного знания, его способность к солидарной организации, его умение угадывать и удовлетворять потребности другого.

33. Тем не менее, нельзя не предупредить о том риске и тех проблемах, которые связаны с этим процессом. Фактически сегодня очень многие — быть может, подавляющее большинство — не располагают средствами, позволяющими действенным и достойным человека образом войти вовнутрь системы предприятия, в котором труд занимает место поистине центральное. Они не имеют ни возможностей приобрести основополагающие знания, которые позволяли бы им выявить и развивать их творческий потенциал, ни способа войти в сеть знакомств и межкоммуникаций, которые

позволили бы им убедиться, что их лучшие способности используются и оцениваются по заслугам. В целом эти люди если и не эксплуатируются в прямом смысле слова, то оказываются в значительной степени на периферии, и экономическое развитие осуществляется, так сказать, поверх их голов, даже когда вообще не ограничивается и без того скудное пространство их отсталой экономики существования. Неспособные противостоять конкуренции товаров, производимых новыми методами и удовлетворяющих потребности, которым до того обычно сопротивлялись с помощью традиционных форм организации, соблазняемые великолепием выставленного напоказ, но для них недоступного изобилия и в то же время теснимые нуждой, эти люди переполняют города третьего мира, где зачастую, вырванные из корней своей культуры, они оказываются жертвами насилия, не имея возможности вернуться в общество. За ними фактически не признается достоинство, и порой их стремятся вычеркнуть из жизни путем принудительного демографического контроля, противного человеческому достоинству.

Многие другие, хоть и не обездолены полностью, живут всё же в условиях первоначального, «безжалостного» капитализма, заставляющих их вести неустанную борьбу за самое необходимое, в ситуации с характерными для первой фазы индустриализации особо темными явлениями. Наблюдаются случаи, когда земля продолжает оставаться главным элементом экономического процесса, и те, кто на ней работает, лишены права владеть ею, что низводит их до полурабского существования⁷¹. В подобных случаях и сегодня, как и во времена *Regum novarum*, приходится говорить о бесчеловечной эксплуатации. Несмотря на значительные изменения, происшедшие в наиболее развитых обществах, чисто человеческие проблемы, возникающие при капитализме, с вытекающим отсюда господством вещей над людьми, далеко не исчезли: более того, у бедных к недостатку материальных благ добавился недостаток знаний и умения, который мешает им преодолеть состояние унижительной подчиненности.

К сожалению, в подобных условиях все еще живет подавляющее большинство жителей третьего мира. Было бы, однако, ошибочным воспринимать этот мир исключительно географически. В не-

которых регионах и в некоторых социальных секторах этого мира начались процессы развития, сконцентрированные не столько на повышении ценности материальных ресурсов, сколько на достойной оценке «человеческих ресурсов».

Во времена не столь отдаленные считалось, что развитие определяется изолированностью наиболее бедных стран от мирового рынка с тем, чтобы они рассчитывали на свои собственные силы. Недавний опыт показал, что страны, выключившие себя таким образом, испытали застой и регресс, тогда как продвинулись те страны, которые сумели войти в общую экономическую деятельность на международном уровне. Представляется, кроме того, что важнейшая проблема — это получение равного доступа на международный рынок, доступа, основанного не на одностороннем принципе эксплуатации природных богатств, а на достойной оценке человеческих ресурсов⁷².

Типичные явления третьего мира возникают, однако, и в промышленно развитых странах тоже, где непрерывные изменения способов производства и потребления обесценивают приобретенные знания и снижают профессиональный уровень, требуя постоянной переквалификации и приспособления к требованиям дня. Те, кому не удастся идти в ногу со временем, легко могут оказаться на обочине, а среди них есть и пожилые люди, и молодежь, не сумевшая вписаться в общественную жизнь, и вообще слабые люди, как и так называемый четвертый мир. Да и положение женщины в таких условиях, пожалуй, не назовешь легким.

34. Представляется, что, как на уровне отдельных стран, так и на уровне международных отношений, свободный рынок являет собой самое эффективное средство для использования ресурсов и удовлетворения потребностей. Это, однако, касается только тех потребностей, за удовлетворение которых можно заплатить, то есть которые располагают покупательной способностью, и для тех ресурсов, которые «продаются», обладая соответствующей ценой. Но существуют многочисленные человеческие потребности, которые не имеют доступа к рынку. Настоятельный долг справедливости и истины — всячески препятствовать тому, чтобы основные человеческие потребности оставались неудовлетворенными и что-

бы гибли вследствие этого люди. Помимо того необходимо этим нуждающимся оказывать помощь в приобретении знаний, вводить их в круг делового взаимодействия и развивать способности для лучшей оценки их возможностей и ресурсов. Более важным, чем логика обмена эквивалентами и формами справедливости, является нечто такое, что принадлежит человеку уже потому, что он — человек, в силу его выдающегося достоинства. Это нечто, присущее человеку, неотъемлемо влечет за собой возможность существовать материально и вносить посильный вклад в общее благо человечества.

В контексте третьего мира сохраняют свою действенность (в некоторых случаях это — все еще цель, какой надо достичь) именно эти задачи, указанные энцикликой *Regum novarum*, дабы избежать низведения человеческого труда и самого человека до уровня простого товара: заработная плата, достаточная для содержания семьи; социальное страхование по старости и безработице; соответствующая забота об условиях труда.

35. Здесь открывается обширная и плодотворная сфера обязанностей и борьбы во имя справедливости для профсоюзов и других организаций трудящихся, которые защищают их права и охраняют их субъектность. В то же время эти организации осуществляют важную функцию культурного характера с тем, чтобы трудящиеся могли участвовать — более полным и достойным образом — в жизни народа и помогают им на пути их развития.

В этом смысле справедливо сказать о борьбе против экономической системы, понимаемой как способ, обеспечивающий абсолютное преобладание капитала, обладание средствами производства и земель, в противоположность свободной субъектности человеческого труда⁷³. Этой борьбе против такой системы противопоставляется как альтернативная модель не социалистическая система, которая фактически оказывается разновидностью государственного капитализма, а общество свободного труда, предприимчивости и участия. Оно не противостоит рынку, но требует, чтобы существовал необходимый контроль со стороны общественных сил и государства с тем, чтобы гарантировать удовлетворение основных потребностей всего общества.

Церковь признает законную функцию прибыли как показателя нормального хода дел на предприятии: когда предприятие приносит прибыль, это значит, что производственные факторы были соответственно использованы и что отвечающие им человеческие потребности должным образом удовлетворены. Как бы там ни было, прибыль не есть единственный показатель условий существования предприятия. Бывает, что экономические счета в полном порядке, а вместе с тем люди, составляющие самое драгоценное достояние предприятия, унижены и оскорблены в их достоинстве. Помимо того, что это морально недопустимо, такое положение вещей не может не иметь в перспективе отрицательного воздействия также и на экономическую эффективность данного предприятия. Действительно, цель предприятия — не просто производство прибыли, но и само существование этого предприятия как общности людей, которые по-разному стремятся к удовлетворению своих основных потребностей и составляют особую целостность на службе всего общества. Прибыль — не единственный регулятор работы предприятия; к нему следует добавить человеческие и нравственные факторы, которые в перспективе длительного времени столь же важны для жизни предприятия.

Мы убеждены в неприемлемости утверждения, согласно которому поражение «реального социализма» делает якобы капитализм чуть ли не единственной моделью экономической организации. Необходимо разрушить те преграды и монополии, которые не позволяют многим народам включиться в общий процесс развития и обеспечить всех — отдельные лица и целые народы — теми первоначальными условиями, которые позволяют в нем участвовать. Такая цель требует планомерных и ответственных усилий со стороны всего международного сообщества. Необходимо, чтобы более развитые страны предоставляли странам менее развитым возможности для их включения в международную жизнь, а те последние сумели использовать эти возможности, прилагая усилия и принося необходимые жертвы, обеспечивая тем самым стабильность политической и экономической жизни, уверенность в перспективах на будущее, рост способностей трудящихся, формирование деятельных и сознающих свою ответственность предпринимателей⁷⁴.

В настоящее время положительным усилиям в этом направлении мешает не решенная еще в значительной степени проблема внешней задолженности наиболее бедных стран. Несомненно справедлив принцип, что долги надо платить; непозволительно, однако, требовать или претендовать на оплату, если она может привести к таким политическим результатам, как голод и отчаяние, на которые обрекаются целые народы. Нельзя претендовать на то, чтобы накопившаяся задолженность оплачивалась недопустимыми жертвами. В таких случаях необходимо — как в конце концов отчасти и происходит на практике — найти способы смягчения, отсрочки или даже погашения долга, совместимые с фундаментальным правом народов на существование и прогресс.

36. Уместно теперь обратить внимание на специфические проблемы и те опасности, которые возникают в лоне самых развитых экономических систем и которые связаны с их особенностями. На предыдущих этапах развития человек всегда жил с грузом необходимости: его потребности были незначительными, до известной степени они диктовались объективно структурой его телосложения, и экономическая деятельность была направлена на это удовлетворение. Ясно, однако, что сегодня проблема заключается не только в том, чтобы предложить человеку некое число необходимых благ, но и в том, чтобы соответствовать запросу о качестве: качество товаров для производства и потребления; качество услуг, какими пользуются; качество окружающей среды и жизни в целом.

Требование о качественно более удовлетворительном и богатом существовании — само по себе законно; но нельзя не подчеркнуть новую ответственность и опасность, связанную с этим историческим этапом. В том, как возникают и как определяются новые потребности, всегда так или иначе находит выражение представление о человеке и его истинном благе. Посредством выбора способов производства и потребления проявляется определенная культура как общая концепция жизни. Именно здесь возникает явление широкого потребительства. Определяя новые потребности и новые способы их удовлетворения, необходимо руководствоваться целостным знанием человека, учитывая все измерения его бытия и подчиняя внутренним и духовным потребностям материальные и ин-

стинктивные. Напротив, обращаясь непосредственно к инстинктам человека и абстрагируясь разными способами от его реальности как личности сознательной и свободной, можно выявить потребительские привычки и потребительский стиль жизни, объективно недопустимые и зачастую вредные для его физического и духовного здоровья. Экономическая система не обладает в себе самой критериями, которые позволяют правильно отличать новые и более высокие формы удовлетворения человеческих потребностей от тех новых, но навязываемых потребностей, которые препятствуют формированию зрелой личности. Поэтому крайне необходима серьезная работа воспитательного и культурного характера, которая приучает потребителя к ответственному использованию возможностей выбора, формированию чувства ответственности у производителей, и прежде всего у работников средств массовой информации, не говоря о необходимом вмешательстве государственных властей.

Ярким примером совершенно искусственного потребления, противного здоровью и достоинству человека и, естественно, с трудом поддающегося контролю, является потребление наркотиков. Их распространение — показатель серьезного сбоя общественной системы — указывает на сугубо материалистическое и, в известном смысле, разрушительное понимание человеческих потребностей. Тем самым, творческие возможности свободной экономики осуществляются односторонне и неадекватно. Наркотики, равно как порнография и другие формы потребительства, эксплуатируя немощь слабых, пытаются заполнить создавшийся духовный вакуум.

Нет ничего дурного в желании жить лучше, но ошибочен стиль жизни, претендующий на более высокий уровень, направленный на то, чтобы иметь, а не на то, чтобы быть; когда стремятся иметь не для того, чтобы быть лучше, но чтобы проводить время в свое удовольствие, преследуя собственную цель⁷⁵. Поэтому надо стараться вырабатывать такой стиль жизни, при котором поиски истинного, прекрасного и доброго в общении с другими людьми для совместного роста были бы элементами, определяющими выбор потребления, сбережения и капиталовложений. В связи с этим я не могу не сказать о долге милосердия, то есть о долге приходить на помощь со своими «излишками», а порой и со своим «миниму-

мом» — дабы дать то, что абсолютно необходимо для жизни бедного. Сошлюсь на тот факт, что даже выбор одного, а не другого места капиталовложений, одного, а не другого производственного сектора, всегда представляет собой выбор нравственного и культурного характера. При возникновении совершенно необходимых экономических условий и политической стабильности решение сделать капиталовложение, то есть предложить какому-то народу возможность оценить свой собственный труд, определяется также отношением благожелательности и верой в Провидение, раскрывающими человеческие качества того, кто принимает такое решение.

37. В равной степени тревожным, наряду с проблемой потребительства, и тесно связанным с ней является экологический вопрос. Человек, охваченный жадой иметь и получать удовольствие, — в большей степени, чем быть и возражать, — безудержно и беспорядочно расходует земные ресурсы и свою собственную жизнь. В истоках бессмысленного разрушения естественной среды обитания лежит ошибка антропологического характера, к сожалению, широко распространенная в наше время. Человек, открывающий свои способности преобразовывать и, до известной степени, создавать мир собственным трудом, забывает, что в основе всего этого лежит первоначальный дар Божий. Он думает, что можно произвольно распоряжаться землей, без каких-либо ограничений, подчиняя ее своей воле, как если бы она не имела свойственных ей формы и предназначения, первоначально данных ей Богом, которые человек может, конечно, развивать, но не злоупотреблять ими. Вместо того чтобы сотрудничать с Богом в деле творения, человек подменяет собою Бога, что вызывает сопротивление природы, оказавшейся объектом его тирании, а не управления⁷⁶.

В этом замечается прежде всего ограниченность и узость взгляда человека, воодушевляемого желанием обладать вещами, вместо того чтобы соотносить их с истиной, и лишеного того незаинтересованного, бескорыстного, эстетического отношения, которое рождается из чувства удивления перед бытием и красотой, позволяющей усматривать в видимых вещах весть Бога Невидимого, их создавшего. В этом отношении сегодняшнее человечество должно сознавать свои обязанности и свой долг перед будущими поколениями.

38. Помимо иррационального разрушения естественной среды обитания следует напомнить здесь о еще более серьезном разрушении человеческой среды, чему, однако не уделяется должного внимания. В то время как справедливо заботятся, хотя и гораздо меньше, чем следовало бы, о сохранении естественной среды, «habitat», для различных видов животных, которым угрожает исчезновение, отдавая себе отчет в том, что каждый из них вносит особый вклад в общее равновесие земли, — слишком мало усилий прилагается для того, чтобы беречь нравственные условия подлинной «человеческой экологии». Не только земля дана Богом человеку, который должен пользоваться ею, соблюдая первоначальное намерение добра, с каким она была ему дана; но и человек дан самому себе Богом и должен поэтому уважать естественный и нравственный порядок, вложенный в него. Необходимо упомянуть в этом контексте о серьезных проблемах современной урбанизации, обязательности урбанистики, в центре которой — забота о жизни людей, равно как и о должном внимании к «социальной экологии» труда.

Человек получает от Бога свое достоинство и вместе с ним способность возвышаться над любым общественным порядком в поисках истины и добра. Однако его жизнь обусловлена также той социальной структурой, в которой он живет, полученным воспитанием и окружающей средой. Эти элементы могут облегчать или же затруднять его образ жизни, соответствующий истине. Решения, благодаря которым возникает некая человеческая среда, могут создавать и специфически греховные структуры, препятствующие полной реализации возможностей тем людям, кто по-разному ими подавляется. Разрушить такие структуры и заменить их более истинными формами совместной жизни — задача, требующая мужества и терпения⁷⁷.

39. Первая и фундаментально важная структура «человеческой экологии» — это семья, в лоне которой человек получает первоначальные и определяющие понятия об истине и добре, узнает, что значит любить и быть любимым и, следовательно, что означает конкретно — быть личностью. Здесь имеется в виду семья, основанная на браке, где взаимоотдача мужчины и женщины создает такую жизненную среду, в которой ребенок может обнаруживать и разви-

вать свои способности, постепенно осознавать свое достоинство и готовиться ко встрече со своей единственной и неповторимой судьбой. Но часто случается так, что человек не находит в себе мужества создать подлинные условия для продолжения рода и поддается тому, чтобы рассматривать себя самого и свою жизнь как совокупность ощущений, какие надо испытать, а не как дело, которое надо совершить. Отсюда возникает недостаток свободы, побуждающий отказываться от обязательства быть постоянно связанным с другой личностью и производить на свет детей или же побуждающий рассматривать их как нечто из многих «вещей», какие можно иметь или не иметь, согласно своим наклонностям, и которые конкурируют с другими возможностями.

Необходимо вернуться к пониманию семьи как святилища жизни. Действительно, семья — священна: она представляет собой место, где жизнь, дар Божий, может быть сообразно встречена и защищена от множества нападений, каким она подвержена, и где она может развиваться согласно требованиям подлинного человеческого роста. В противовес так называемой культуре смерти, семья представляет собой местопребывание культуры жизни.

Создается впечатление, что человеческий ум в этой области, скорее, направлен на то, чтобы ограничить, подавить или «аннулировать» истоки жизни — вплоть до абортов, к сожалению, столь распространенных в мире, — а не на то, чтобы защищать и открывать возможности самой жизни. В энциклике «Забота о социальной действительности» осуждались систематические кампании против рождаемости, которые — на основе искаженной концепции демографической проблемы и в атмосфере «абсолютного отсутствия уважения к свободе решения заинтересованными лицами» — нередко подвергают последних «недопустимому давлению... чтобы склонить к этой новой форме угнетения»⁷⁸.

Речь идет о такой политике, которая — используя новую технику — расширяет радиус своего действия вплоть до того, чтобы, как при «химической войне», отравлять жизнь миллионов незащищенных людей.

Эта критика обращена не столько против экономической системы, сколько против системы культурно-этической. Действитель-

но, экономика — это всего лишь одна сторона и одно измерение многогранной человеческой деятельности. Если она абсолютизируется, если производство и потребление товаров ставятся в центр общественной жизни и становятся единственной ценностью общества, не подчиненной никакой другой, то причины этого следует искать не только и не столько в самой экономической системе, сколько в том, что вся общественно-культурная система, пренебрегая этическими и религиозными нормами, одряхлела, ограничившись единственно производством благ и услуг⁷⁹.

Все сказанное можно резюмировать, заявив еще раз, что экономическая свобода есть всего лишь элемент человеческой свободы. Когда она становится автономной, то есть когда человек рассматривается, скорее, как производитель или потребитель благ, а не как субъект, производящий и потребляющий для того, чтобы жить, — тогда эта экономическая свобода утрачивает свою необходимую связь с человеческой личностью и в итоге подпадает под власть сил, которые ее окончательно отчуждают и подавляют⁸⁰.

40. Задачей государства является забота о защите и охране таких коллективных благ, как естественная среда обитания и человеческая среда, сохранение которых не может быть обеспечено простыми рыночными механизмами. Подобно тому как во времена старого капитализма государство считало своим долгом защищать основные права трудящихся, так и теперь, при новом капитализме, оно и общество в целом выполняют долг защищать коллективные блага, представляющие собой, помимо всего прочего, своего рода рамки, в которых только и возможно для каждого законно преследовать свои индивидуальные цели.

Здесь обнаруживается еще одна ограниченность рынка; существуют такие коллективные и качественные потребности, которые невозможно удовлетворить посредством его механизмов; имеются серьезные человеческие нужды, которые не поддаются его логике; есть такие блага, которые по самой своей природе не могут и не должны продаваться и покупаться. Безусловно, рыночные механизмы предлагают надежные преимущества: помогают, среди прочего, лучше использовать ресурсы; благоприятствуют обмену продуктами и, прежде всего, ставят в центр волю и предпочтения

личности, которые в момент подписания контракта воздействуют на волю и предпочтения другой личности. Однако эти механизмы таят в себе опасность «идолопоклонства» перед рынком, игнорирующем существование тех благ, которые по самой своей природе не являются и не могут быть простым товаром.

41. Марксизм подвергал критике капиталистическое буржуазное общество, ставя ему в упрек превращение всего в товар и отчуждение человеческого существования. Несомненно, эти упреки основываются на ошибочной и недостаточной концепции отчуждения, согласно которой это последнее отчуждение выводится исключительно из области взаимодействия между производством и собственностью; тем самым этой концепции придается материалистическое обоснование и, более того, отрицается законность и положительное значение рыночных отношений даже в их собственной сфере. Так марксизм приходит к утверждению, будто бы только в обществе коллективистского типа может быть устранено отчуждение. Ныне исторический опыт социалистических стран показал нам, что печальным образом коллективизм не упраздняет отчуждения, но, скорее, усиливает его отсутствием самого необходимого и экономической недееспособностью.

Исторический опыт Запада, со своей стороны, свидетельствует, что, хотя марксистский анализ и его обоснование отчуждения ложны, все же отчуждение, сопряженное с утратой подлинного смысла существования — это и в западном обществе факт реальный. Он подтверждается тем, что человек оказывается вовлеченным в сеть удовлетворения ложных и поверхностных потребностей, и никто не помогает ему приобрести подлинный и конкретный опыт, присущий его личности. Отчуждение наблюдается и в тех процессах труда, когда его организация подчиняется максимальной выработке продукции и доходов, не заботясь о том, в какой степени реализует себя трудящийся как человек. Всё это зависит от того, растет ли его участие в подлинно солидарной общности или же усиливается его изоляция безоглядным соперничеством и взаимным вытеснением, при которых он рассматривается всего лишь как средство, а не как цель.

Необходимо повернуть концепцию отчуждения в сторону христианского видения, распознав в ней обратный порядок меж-

ду средствами и целями: когда не признается ценность и величие человеческой личности в самой себе и в другой личности, человек фактически лишается возможности пользоваться собственно своей человеческой природой и входить в те ситуации солидарности и общения с другими людьми, для которых и создал его Бог. И действительно, посредством свободной самоотдачи человек в подлинном смысле становится самим собою⁸¹, а самоотдача стала возможной благодаря существующей «способности к трансцендентности» человеческой личности. Человек не может отдавать всего себя исключительно тому, что составляет человеческое преобразование действительности, абстрактному идеалу или ложным утопиям. Он, как личность, должен отдавать себя другой личности или другим личностям и, наконец, Богу, Творцу его и Единственному, Кто всецело может принять этот его дар⁸². Отчужден тот человек, который отказывается от трансцендирования самого себя и приобретения опыта самоотдачи и формирования подлинной человеческой общности, обращенной к своему конечному предназначению, каким является Бог. Отчужденным оказывается то общество, которое в своих формах социального устройства, производства и потребления все более затрудняет осуществление этого дара и установление этой межчеловеческой солидарности.

В западном обществе была преодолена эксплуатация, по крайней мере, в тех ее видах, которые анализировал и описывал Карл Маркс. Однако не было преодолено отчуждение в различных видах эксплуатации, когда люди взаимно используют друг друга в корыстных целях и, при все более утонченном удовлетворении своих партикулярных и второстепенных потребностей, становятся глухими к главным и подлинным нуждам, которые должны регулировать также и способ удовлетворения всех других⁸³. Человек, который заботится исключительно или преимущественно о том, чтобы иметь, и о своем удовольствии, становится более неспособным господствовать над своими инстинктами и своими страстями и упорядочивать их путем послушания истине. Такой человек не может быть свободным: подчинение истине о Боге и о человеке есть первое условие свободы, позволяющее регулировать собственные по-

требности, собственные желания и способ их удовлетворения согласно справедливой иерархии ценностей таким образом, что владение вещами становится для человека средством роста. Препятствие такому росту может исходить из манипуляции теми средствами массовой информации, которые настойчиво и организованно навязывают моду и мнение, при этом остаются вне объективной критики те предпосылки, на которых они основываются.

42. Возвращаясь теперь к поставленному вначале вопросу, можно ли сказать, что после краха коммунизма побеждающей общественной системой становится капитализм и что в направлении к нему следует устремлять усилия стран, которые пытаются реконструировать свою экономику и общество? Быть может, именно эту модель и надо предложить странам третьего мира, которые ищут пути подлинного экономического и гражданского прогресса?

Ответ, естественно, сложен. Если под «капитализмом» понимается такая экономическая система, которая признает главную и положительную роль предпринимательства, рынка, частной собственности и вытекающей отсюда ответственности за средства производства, свободную творческую деятельность человека в области экономики, ответ, несомненно, будет положительным, даже если, может быть, было бы более уместно говорить об «экономике предприятия», или о «рыночной экономике», или просто о «свободной экономике». Но если под «капитализмом» понимается система, при которой свобода в экономической области не включена в надежный юридический контекст, который ставил бы ее на службу целостной человеческой свободе и рассматривал как особое измерение этой свободы, с этическим и религиозным корнем, в таком случае ответ будет решительно отрицательным.

Марксистская концепция потерпела поражение, но явления отчуждения и эксплуатации по-прежнему в мире остаются, особенно в третьем мире, а также в наиболее развитых странах, против этих явлений выступает Церковь. Огромное множество людей живет еще в условиях крайней бедности — материальной и нравственной. Крушение коммунистической системы во многих странах, безусловно, устраняет препятствие на пути решения этих проблем соответствующим и реалистическим образом, но этого недостаточно.

Более того, есть опасность распространения радикальной идеологии капиталистического толка, которая отказывается даже принимать их во внимание, считая априори обреченной на неудачу любую попытку их решения и слепо предоставляя их свободной игре рыночных сил.

43. Церковь никаких моделей не предлагает. Реальные, подлинно действенные модели могут возникнуть лишь в рамках различных исторических ситуаций, благодаря усилиям тех, кто со всей ответственностью подходит к решению конкретных проблем во всех их социальных, экономических, политических и культурных аспектах, не отделимых друг от друга⁸⁴. Таким усилиям Церковь предлагает, как необходимый и идеальный ориентир, собственное социальное учение, которое — как было сказано — признает положительные стороны рынка и предпринимательства, но указывает в то же время на необходимость их направленности на общее благо. Оно признает также законность усилий трудящихся, настаивающих на полном уважении их достоинства и на большем участии в жизни предприятия, так, чтобы, работая вместе с другими и под руководством других, они могли, в известном смысле, «работать на себя»⁸⁵, используя свой ум и свободу.

Целостное развитие человеческой личности в процессе труда не противоречит, а даже благоприятствует большей производительности и эффективности самого труда, хоть это и может ослабить установившийся порядок власти. Предприятие не может рассматриваться всего лишь как «объединение капиталов»; оно вместе с тем представляет собой «объединение лиц», в котором различным образом и со своей специфической ответственностью участвуют как те, кто дает необходимый для его деятельности капитал, так и те, кто сотрудничает в нем своим трудом. Для достижения этих целей по-прежнему остается необходимость в серьезном объединенном движении трудящихся, задачей которого является освобождение и всестороннее развитие личности.

В свете сегодняшних «новых вещей» заново рассматриваются отношения между индивидуальной, или частной, собственностью и всеобщей предназначенностью благ. Человек совершенствуется посредством своего разума и своей свободы, и, делая это, он использу-

ет в качестве объекта и орудия вещи этого мира и осваивает их. В основе такого его образа действий лежит право на инициативу и на индивидуальную собственность. Посредством своего труда человек принимает на себя определенные обязанности не только по отношению к самому себе, но и по отношению к другим и вместе с другими: каждый участвует в работе других и на благо других. Человек трудится, чтобы удовлетворить потребности своей семьи, общины, частью которой он является, нации и в конечном счете всего человечества⁸⁶. Помимо этого, он принимает участие в труде других, работающих на том же предприятии, а также в труде поставщиков и в потреблении товаров клиентами — в целой цепи солидарности, которая постепенно увеличивается. Владение средствами производства как в промышленной, так и в сельскохозяйственной областях справедливо и законно, если оно служит полезному труду; но оно оказывается незаконным, когда перестает быть продуктивным или становится препятствием труду других, или получает прибыль, источником которой является не глобальное увеличение труда и общественного богатства, а, скорее, их ограничение, недопустимая эксплуатация, спекуляция и разрыв солидарных связей в мире труда⁸⁷. Такого рода собственность не имеет никакого оправдания и представляет собой злоупотребление перед Богом и другими людьми.

Обязанность зарабатывать хлеб в поте лица своего предполагать в то же время некое право. Общество, в котором это право систематически отрицается, в котором меры экономической политики не позволяют трудящимся достичь удовлетворительного уровня занятости, не может ни оправдываться с этической точки зрения, ни обрести мир в обществе⁸⁸. Подобно тому как личность реализуется полностью в свободной самоотдаче, так и собственность оправдывается морально в создании, должным образом и в нужное время, возможностей труда и нормального развития для всех.

Часть V

Государство и культура

44. Папа Лев XIII хорошо понимал, что здоровая теория государства необходима для того, чтобы обеспечить нормальное развитие разных видов человеческой деятельности: как духовных, так и материальных, равно необходимых⁸⁹. Поэтому в одном месте энциклики *Regum poarum* он описывает организацию общества, исходя из трех властей — законодательной, исполнительной и судебной, что в те времена было новаторством в учении Церкви⁹⁰. Такой порядок отражает реалистическое видение социальной природы человека, которая требует соответствующего законодательства для охраны свободы всех. Для такой цели предпочтительно, чтобы каждая власть уравновешивалась другими властями и другими сферами компетенции, которые ее удерживают в справедливых пределах. Таков принцип «Правового государства», в котором суверенен закон, а не произвольное желание людей.

Этой концепции в современную эпоху противопоставил себя тоталитаризм, который в его марксистско-ленинской форме полагает, что некоторые люди в силу более глубокого познания законов общественного развития, или благодаря особому положению социального класса, или благодаря контакту с более глубокими источниками коллективного сознания свободны от ошибок и, следовательно, могут присваивать себе полномочия абсолютной власти. Следует добавить, что тоталитаризм возникает из отрицания истины в объективном смысле: если не существует трансцендентной истины, подчиняясь которой человек обретает полноту самосознания, то тогда не существует никакого надежного принципа, который гарантировал бы справедливые отношения между людьми. Их классовые, групповые, национальные интересы неизбежно противопоставляются друг другу. Если не признавать трансцендентной истины, тогда торжествует сила власти и каждый стремится использовать до конца средства, имеющиеся в его распоряжении, чтобы навязать собственный интерес или собственное мнение, не принимая во внимание прав другого. В таком случае с человеком считаются только в той мере, в какой можно его использовать для эгоис-

тического самоутверждения. Корни современного тоталитаризма, следовательно, можно распознать в отрицании трансцендентного достоинства человеческой личности, видимого образа Невидимого Бога и, именно в силу этого, по самой своей природе субъекта прав, которые никто не может нарушить: ни индивидуум, ни группа, ни класс, ни нация или государство. Этого не может делать даже большинство какой-то общественной группы, выступая против меньшинства, вытесняя, подавляя, эксплуатируя или стремясь уничтожить его⁹¹.

45. Культура и практика тоталитаризма включают в себя также отрицание Церкви. Государство или же партия, считающие, что они в состоянии осуществить в истории абсолютное благо, и возвышающие себя над всеми ценностями, не могут допустить, чтобы утверждался объективный критерий добра и зла помимо воли правящих властей, который, в определенных обстоятельствах, мог бы служить для суждения об их поведении. Этим объясняется стремление тоталитаризма уничтожить Церковь или, по крайней мере, подчинить ее, превращая ее в орудие своего собственного идеологического аппарата⁹².

Тоталитарное государство, помимо того, имеет тенденцию к поглощению в себе самой нации, общества, семьи, религиозных общин и самих личностей. Защищая собственную свободу, Церковь защищает человеческую личность, которая должна прежде всего подчиняться Богу, а не людям (см. Деян 5, 29), а также семью, различные общественные организации и народы — т.е. всех, кто пользуется собственной независимостью и суверенитетом.

46. Церковь положительно оценивает демократическую систему в той мере, в какой она обеспечивает участие граждан в политическом выборе и гарантирует гражданам как возможность избирать и контролировать своих правителей, так и смешать их мирным путем, когда это представляется уместным⁹³. Поэтому она не может относиться положительно к формированию ограниченных групп руководителей, которые ради собственных интересов или во имя идеологических целей узурпируют государственную власть.

Подлинная демократия возможна только в правовом государстве и на основе истинной концепции человеческой личности. Она

требует, чтобы подтверждались условия, необходимые для продвижения как отдельных лиц путем воспитания и формирования истинных идеалов, так и для «субъектности» общества путем создания структур для участия и совместной ответственности. Сегодня есть тенденция утверждать, будто агностицизм и скептический релятивизм представляют собой философию и существенную позицию, отвечающие политическим формам демократии, и что те, кто убежден, что знает истину и твердо ее отстаивает, не заслуживает доверия с демократической точки зрения, ибо они не признают, что истина или определяется большинством, или же меняется согласно различным политическим равновесиям. В связи с этим следует заметить, что если не существует никакой конечной истины, которая ведет и направляет политическую деятельность, то и убеждения легко могут стать предметом манипуляций для завоевания власти. Демократия, не признающая ценностей, легко превращается в открытый или скрытый тоталитаризм, как о том свидетельствует история.

Церковь не закрывает глаза и на опасность фанатизма или фундаментализма, каковые — во имя идеологии, претендующей на научность или религиозность, — считают возможным навязывать другим людям свои представления об истине и добре. Но не такова христианская истина. Не будучи разновидностью идеологии, христианская вера не допускает насильственного заключения в жесткую схему многообразной социально-политической действительности и признает, что жизнь человека осуществляется в истории в условиях различных и несовершенных. Поэтому Церковь, постоянно утверждая трансцендентное достоинство личности, своим методом считает уважение свободы⁹⁴.

Но свобода может быть в полной мере оценена лишь после принятия истины. В мире, где отсутствует истина, свобода утрачивает нечто существенное и человек оказывается предоставленным насилию страстей и скрытым и тайным обусловленностям. Христианин живет свободой (см. Ин 80, 31–32) и правильно пользуется ею, постоянно предлагая другим, в силу миссионерской природы своего призвания, ту истину, которую он познал. В диалоге с другими людьми он, будучи внимательным к любой частице истины, с ка-

кой встречается в жизненном опыте и в культуре отдельных лиц и целых народов, никогда не отказывается от утверждения всего того, чему его научила его вера и собственный разум⁹⁵.

47. После краха коммунистического тоталитаризма и многих других тоталитарных режимов и режимов «национальной безопасности», мир становится сегодня свидетелем возобладавшего, хотя и не без контрастов, демократического идеала, неразрывно связанного с живейшим вниманием к правам человека и заботой о них. Но именно поэтому необходимо, чтобы народы, преобразующие свои общественные устройства, придали демократии подлинное и прочное основание путем недвусмысленного признания этих прав⁹⁶. Среди главных следует напомнить о следующих: право на жизнь, неотъемлемой частью которого является право развиваться в чреве матери после зачатия; право жить в дружной семье и в нравственной обстановке, благоприятствующей развитию собственной личности; право развивать свой разум и свою свободу в поисках и познании истины; право участвовать в трудовых процессах, чтобы оценивать в полной мере блага земли и извлекать из них все необходимое для содержания себя и своих близких; право свободно создавать семью, не препятствовать рождению и воспитывать детей, с ответственностью проявляя сексуальность. Источником и синтезом этих прав является, в известном смысле, религиозная свобода, понимаемая как право жить в истине своей веры и в согласии с трансцендентным достоинством собственной личности⁹⁷.

Но и в странах, где действуют формы демократической власти, не всегда эти права полностью уважаются. Здесь имеется в виду не только скандальная ситуация с абортom, но также и различные стороны кризиса демократических систем, которые порой — как может показаться — утратили способность решать вопросы в пользу общего блага. Запросы, которые поднимаются из недр общества, порой изучаются не согласно критериям справедливости и морали, а скорее подчиняясь избирательной или финансовой силе групп, которые их поддерживают. Подобные пагубные отклонения в политических нравах со временем порождают недоверие и равнодушие, следствием чего становится снижение участия в политическом про-

цессе и ослабление гражданского духа среди населения, чувствующего себя разочарованным и обманутым. Результатом этого становится растущая неспособность подчинять частные интересы последовательному видению общего блага. Ибо это последнее не является простой суммой частных интересов, но, скорее, подразумевает их оценку и внедрение на основе уравновешенной иерархии ценностей и в конечном счете правильного понимания достоинства и прав личности⁹⁸.

Церковь уважает законную автономию демократического порядка и не имеет права на предпочтение того или иного решения структурного или конституционного плана. Вклад, который она предлагает данному порядку, — это такое видение достоинства человеческой личности, которое раскрывается во всей своей полноте в тайне воплощенного Слова⁹⁹.

48. Эти общие замечания находят свое отражение в рассмотрении роли государства в области экономики. Экономическая деятельность, в особенности рыночная экономика, не может осуществляться в структурном, юридическом и политическом вакууме. Она предполагает, наоборот, надежность гарантий в том, что касается личной свободы и собственности, не говоря уже о стабильной валюте и эффективном коммунальном обслуживании. Поэтому главная задача государства — гарантировать эту уверенность таким образом, чтобы всякий, кто работает и производит, мог пользоваться плодами своего труда и, следовательно, ощущать стимул трудиться продуктивно и добросовестно. Отсутствие уверенности, сопровождаемое коррупцией государственных властей и расширением нечестных источников обогащения и легкой прибыли, основанных на нелегальной или чисто спекулятивной деятельности, представляет собой одно из главных препятствий для развития и для экономического устройства.

Другой задачей государства является соблюдение и защита прав человека в экономическом секторе; но в этой области первостепенная ответственность лежит не на государстве, а на отдельных лицах и различных группах и союзах, на какие подразделяется общество. Государство не может непосредственно обеспечивать право на труд всем гражданам, не регламентируя целиком экономическую жизнь

и подавляя тем самым свободную инициативу отдельных лиц. Впрочем, это не значит, что оно не обладает никакой компетенцией в этой сфере, как утверждали сторонники отрицания всяких правил в экономической области.

Скорее, государство должно содействовать деятельности предприятий, создавая условия, гарантирующие возможности работы, и стимулируя ее там, где результаты представляются недостаточными, или поддерживая их в моменты кризиса.

И еще. Государство имеет право вмешиваться в тех случаях, когда специфически монопольные ситуации ставят препятствия и помехи на пути развития. Но помимо этих задач координации и направления развития государство может осуществлять функции замещения в чрезвычайных ситуациях, когда общественные секторы или системы предприятий — слишком слабые или только еще складывающиеся — оказываются неготовыми для решения стоящих перед ними задач. Подобные вмешательства в качестве заместителя, оправдываемые безотлагательными решениями на общее благо, должны, насколько это возможно, быть ограниченными во времени, — чтобы не отнимать безвозвратно у этих секторов и систем предприятий свойственных им компетенций и чтобы не чрезмерно расширять сферу государственного вмешательства в ущерб свободе как экономической, так и гражданской.

В последние годы наблюдается значительное расширение такой сферы вмешательства, что привело к созданию государства нового типа — «государства всеобщего благосостояния». Развитие такого типа произошло в некоторых странах ради того, чтобы наиболее адекватно ответить на множество потребностей и нужд, предлагая способы искоренения бедности и лишений, недостойных человеческой личности. Однако это не обошлось без разного рода преувеличений и злоупотреблений, вызвавших — особенно в самые последние годы — суровую критику государства всеобщего благосостояния, названного «благотворительным государством». Неполадки и недостатки «благотворительного государства» вытекают из неадекватного понимания свойственных государству задач. И в этой сфере необходимо уважать принцип распределения компетенций: общество высшего порядка не должно вмешиваться во внутреннюю

жизнь общества низшего порядка, лишая последнее свойственных ему компетенций, но, скорее, должно поддерживать его в случае необходимости и помогать координировать его действия с действиями других общественных компонентов, имея в виду общее благо¹⁰⁰.

Непосредственно вмешиваясь и снимая ответственность с общества, благотворительное государство ведет к утрате человеческих сил и чрезмерному расширению государственного аппарата, где господствует бюрократическая логика, а не желание служить клиентам, и к чрезмерному росту расходов. Действительно, лучше всего нужды понимает и умеет их удовлетворять тот, кто подходит к ним ближе всего, кто становится ближним нуждающемуся. Следует добавить, что зачастую определенный вид потребностей взыскивает ответа, выходящего за границы чисто материального характера, но именно такого, который сумел разглядеть глубокие человеческие потребности. Следует подумать также об условиях существования беженцев, иммигрантов, пожилых и больных и всех, требующих помощи, как в случае с наркоманами: это люди, которым могут действительно помочь только те, кто предложит им, помимо необходимого ухода, искреннюю братскую поддержку.

49. В этой области, будучи верной завету Христа, своего Основателя, Церковь всегда присутствует со своей деятельностью, предлагая нуждающемуся человеку материальную помощь так, чтобы она не унизила его и не сделала из него повод для благодаяния, а помогла ему выйти из бедственного положения, пробуждая в нем достоинство личности. С горячей благодарностью Богу можно констатировать, что деятельное милосердие никогда не угасало в Церкви; более того, сегодня отмечается его многообразный и ободряющий рост.

В связи с этим заслуживает особого упоминания явление добровольной помощи, которому Церковь благоприятствует и которое поощряет, призывая всех сотрудничать в поддержке его начинаний.

Чтобы преодолеть индивидуалистические умонастроения, широко распространенные сегодня, требуются конкретные усилия солидарности и милосердия, которые проявляются сначала в лоне семьи во взаимной поддержке супругов и затем в той заботе, какую поколения передают друг другу. Итак, семья квалифицируется как

община труда и солидарности. Но случается, что семья, решившая в полной мере отвечать собственному призванию, может оказаться лишенной необходимой помощи со стороны государства и, таким образом, остаться без достаточных средств. Проблема особенно насущная — это поддержка наряду с деятельностью в пользу семьи и тех областей социальной политики, которые касаются прежде всего самой семьи, помогают ей соответствующим ассигнованием и активными средствами для поддержки как воспитания детей, так и заботы о престарелых, чтобы они оставались в семье, укрепляя связи между поколениями¹⁰¹.

Помимо семьи осуществляют первостепенные функции и организуют специфические узы солидарности и другие промежуточные общества, которые действительно вызревают как реальные общности личностей, укрепляя социальную ткань и препятствуя ее деградации, о чем свидетельствуют анонимность и безличность, к сожалению, распространенные в современном обществе. Человеческая личность и «субъектность общества» усиливается в условиях взаимопереплетения отношений. Индивидуум сегодня часто оказывается зажатым между двумя полюсами — государством и рынком. Создается порой впечатление, что он существует всего лишь как производитель и потребитель товаров или же как объект для государственного администрирования, и при этом забывается, что совместная жизнь людей не ставит своей конечной целью ни рынок, ни государство, ибо человеческая жизнь несет в себе уникальную ценность, которой должны служить и государство, и рынок. Человек — это прежде всего тот, кто ищет истину и стремится жить в истине, углубляя свое знание о ней путем диалога со всеми поколениями¹⁰².

50. Поисками, открытыми истине и обновляемыми каждым поколением, характеризуется культура нации. Это правда, что молодежь оспаривает ценности, которые она наследует. Впрочем, оспаривать — необязательно означает разрушать или отрицать априори; это прежде всего означает — подвергнуть их испытанию в своей собственной жизни и таким экзистенциальным подтверждением сделать эти ценности более живыми, актуальными и личными, отличая в традиции истинное от ложного и от ошибок или устаревших форм, которые могут быть заменены на более современные.

В этом контексте уместно напомнить, что в культуру наций также входит и евангелизация, поддерживая ее на пути к истине и помогая ей в деле очищения и обогащения¹⁰³. Но когда культура замыкается сама в себе и стремится увековечить устаревшие формы жизни, отвергая любой обмен и сопоставление, касающиеся истины о человеке, в таком случае она становится бесплодной и идет к упадку.

51. Вся человеческая деятельность осуществляется внутри определенной культуры и взаимодействует с ней. Для надлежащего усвоения этой культуры требуется привлечение всего человека с тем, чтобы он мог развернуть в ней свои творческие способности, свой ум, свое знание мира и людей. Помимо того, он вкладывает в нее свою силу самообладания, личную жертвенность, солидарность и готовность способствовать общему благу. Поэтому первая и самая важная работа происходит в человеческой душе, и тот способ, каким человек пользуется для созидания своего будущего, зависит от его представления о себе и своем предназначении. Именно на этом уровне осуществляется специфический и решающий вклад Церкви в пользу истинной культуры. Она поощряет те качества человеческого поведения, которые благоприятствуют культуре мира в противовес моделям, смешивающим отдельного человека с людской массой, отказываются признавать роль его инициативы и свободы и величие его меряют способностью участвовать в войне. Церковь осуществляет такое служение, проповедуя истину о сотворении мира, который Бог вручил людям, дабы своим трудом они делали его более плодотворным и более совершенным, и проповедуя истину об искуплении, которым Сын Божий спас всех людей и, в то же время, объединил их друг с другом, сделав их ответственными друг за друга. Священное Писание постоянно говорит нам об активной помощи брату и раскрывает необходимость совместной ответственности, которая должна охватывать всех людей.

Это требование не ограничивается ни рамками собственной семьи, ни даже пределами нации или государства, но простирается на все человечество так, что ни один человек не должен считать себя чуждым или безразличным к судьбе другого члена человеческой семьи. Никто не может сказать, будто он не ответствен за судь-

бу своего брата (см. Быт 4, 9; Лк 10, 29–37; Мф 25, 31–46)! Внимательная и усердная забота о ближнем в самый нужный момент облегчается сегодня новыми средствами коммуникации, которые сблизили людей, что особенно важно в поисках путей, альтернативных войне, в решении международных конфликтов. Нельзя не заметить, что устрашающая мощь средств массового уничтожения, доступных даже средним и малым державам, и еще более тесная связь, существующая между народами всей земли, затрудняют и делают достаточно трудными и практически невозможными попытки ограничить последствия конфликта.

52. Папа Бенедикт XV и его преемники ясно понимали эту опасность¹⁰⁴, и я сам, по случаю недавней драматичной войны в Персидском заливе, повторил призыв: «Да не будет никогда больше войны!» Нет, да не будет больше никогда войны, которая уничтожает жизни невинных, учит убивать и в равной степени переворачивает жизнь тех, кто убивает, которая оставляет за собой следы злобы и ненависти, делая еще более трудным правильное решение тех самых проблем, что ее вызвали! Подобно тому, как внутри отдельных государств настало, наконец, время, когда личная месть и система репрессий были заменены на власть закона, столь же насуточно сегодня, чтобы подобный прогресс произошел в международном сообществе. Однако не следует забывать, что в корне войны лежат обычно конкретные и тяжелые причины: испытанная на себе несправедливость, крушение законных надежд, нищета и эксплуатация отчаявшихся человеческих масс, которые не видят реальной возможности улучшить условия своего существования мирными путями.

Поэтому другим наименованием мира является развитие¹⁰⁵. И если существует коллективная ответственность в борьбе за мир, то существует и коллективная ответственность в деле прогрессивного развития. Если на внутреннем уровне возможно и должно создать прочную экономику, которая руководит функционированием рынка на общую пользу, то надо, чтобы и на международном уровне осуществлялись надлежащие вмешательства. Поэтому следует приложить великое усилие к взаимопониманию, лучшему познанию друг друга и пробуждению совести. Хочется пожелать такой

именно культуры, которая побуждала бы рост доверия к человеческим возможностям бедного и, следовательно, к его способностям улучшить условия своего существования посредством труда или внести положительный вклад в экономическое благополучие. Однако, чтобы достичь этого, бедный — будь то отдельный человек или целый народ — нуждается в том, чтобы ему предлагались реально приемлемые условия. Создавать такие возможности — это задача всемирного объединения в целях продвижения развития, такого объединения, которое способно пожертвовать теми доходами и властью, что служат более развитым экономическим системам¹⁰⁶.

Это может привести к важным изменениям в установившемся стиле жизни, необходимым для ограничения безответственного использования естественных и человеческих ресурсов, позволяя тем самым всем народам и людям земли обладать ими в достаточной мере. К этому следует добавить переоценку материальных и духовных благ, результатов труда и культур народов, оттесненных сегодня на обочину общества, что способствует обогащению человеческой семьи народов.

Часть VI

Человек есть путь Церкви

53. Папа Лев XIII так говорил о нищете пролетариата: «Мы поднимаем этот вопрос сознательно и со всем доверием... Мы не исполнили бы свой долг служения в полной мере, если бы промолчали»¹⁰⁷. За последние сто лет Церковь многократно раскрывала свою мысль, внимательно следя за неуклонным развитием социального вопроса, и, естественно, делала это не для того, чтобы возратить привилегии прошлого или навязать свою концепцию. Ее единственной целью была забота о человеке и ответственность за него, доверенного ей самим Христом ради этого человека, которого — напоминает Второй Ватиканский Собор — как единственное творе-

ние Бог восхотел для него самого и для которого приготовил Свой замысел, то есть участие в вечном спасении. Речь идет не о человеке «абстрактном», а о вполне реальном, «конкретном» и «историческом» человеке: имеется в виду любой человек, ибо каждый включен в тайну искупления и с каждым Христос навеки соединен через эту тайну¹⁰⁸.

Из этого следует, что Церковь не может оставить человека и что «этот человек представляет собой первый путь, какой должна пройти Церковь во исполнение своей миссии... путь, начертанный Самим Христом, путь, который неизменно проходит через тайну воплощения и искупления»¹⁰⁹.

Это и только это воодушевляет социальную доктрину Церкви. Если она разрабатывала ее постепенно и систематически, начиная прежде всего с отмечаемой нами даты, — так это потому, что в центре всего доктринального наследия Церкви стоит человек со всей его реальной действительностью грешника и праведника.

54. Социальная доктрина сегодня конкретно сосредоточивается на данном человеке, поскольку он вовлечен в сложную сеть отношений современного общества. Гуманитарные науки и философия помогают раскрыть то центральное положение, которое занимает человек внутри общества, а также помогают ему лучше понять самого себя как «общественное существо». Однако только вера раскрывает ему в полной мере его подлинную сущность, и именно от нее ведет начало социальное учение Церкви, которое, черпая из науки и философии, предлагает себя в помощь человеку на его пути к спасению.

Энциклика *Regum novarum* может рассматриваться как важный вклад в общественно-экономический анализ конца XIX столетия, но ее особенная ценность заключается в том, что она является документом церковного Учительства, который полностью вписывается в евангелизаторскую миссию Церкви вместе со многими другими подобными документами. Из этого явствует, что социальная доктрина сама по себе есть ценное орудие евангелизации: как таковое, она возвещает Бога и тайну спасения во Христе каждому человеку и по той же причине раскрывает человека самому себе. В таком свете, и только в таком, она занимается всем остальным: человечески-

ми правами каждого и в особенности «пролетариата», семьей и воспитанием, обязанностями государства, устройством общества на национальном и международном уровне, экономической жизнью, культурой, вопросами войны и мира, уважением жизни с момента зачатия и до смерти.

55. Церковь получает «знание о человеке» от Божественного Откровения. «Чтобы познать человека, истинного человека, во всей его целостности, необходимо познать Бога», — говорил Папа Павел VI и сразу после этого цитировал св. Екатерину Сиенскую, выражавшую в молитве ту же самую концепцию: «В Твоей природе, пречечное Божество, познаю природу мою»¹¹⁰.

Поэтому христианская антропология в действительности есть лишь раздел богословия, и в силу этой причины социальная доктрина Церкви, заботясь о человеке, интересуясь им и его поведением в мире, «принадлежит... к области богословия, и в особенности к нравственному богословию»¹¹¹. Богословский аспект представляется необходимым как для истолкования, так и для решения актуальных проблем человеческого сожителства. Это сохраняет свою силу — уместно подчеркнуть — как в отношении «атеистического» решения, которое лишает человека одного из его основоположных компонентов, т. е. духовного, так и в отношении всепозволяющих и потребительских решений, которые под разными предлогами стремятся убедить человека в его независимости от любого закона и от Бога, заключая его в рамки эгоизма, наносящего ущерб в конце концов ему самому и другим.

Когда человеку возглашается спасение Божие, когда ему предлагается и сообщается Божественная жизнь через Св. Таинства, когда направляют его жизнь в сторону соблюдения заповеди любви к Богу и ближнему, — тогда Церковь вносит свой вклад в обогащение достоинства человека. Но поскольку Церковь ни в коем случае не может оставить эту свою религиозную и трансцендентную миссию на пользу человеку, то она отдает себе отчет в том, что ее деятельность встречается сегодня с особыми трудностями и препятствиями. Вот почему она постоянно направляет свои силы и методы евангелизации, развивающей всего человека. И на пороге третьего тысячелетия она остается «знамением и защитой трансцендентнос-

ти человеческой личности»¹¹², как она и стремилась всегда делать с самого начала своего существования, продвигаясь вместе с человеком на протяжении всей истории. Энциклика *Regum novarum* является знаменательным выражением этого.

56. По случаю столетнего юбилея этой энциклики я хочу поблагодарить всех тех, кто посвятил себя изучению, углублению и распространению христианского социального учения. Для этой цели незаменимым является сотрудничество поместных Церквей, и я выражаю пожелание, чтобы нынешний юбилей стал поводом и обновленным стимулом к его изучению, распространению и применению в самых различных областях.

Я желаю в особенности, чтобы с этим учением познакомилась и его применяли в тех странах, где — после краха «реального социализма» — сталкиваются с большими трудностями в деле восстановления. В свою очередь, западные страны подвергаются опасности видеть в этом крахе одностороннюю победу своей собственной экономической системы и потому не заботятся о том, чтобы внести в нее должные поправки. В то же время страны третьего мира находятся в еще более тяжелом положении экономической отсталости, обостряющейся с каждым днем.

Папа Лев XIII, сформулировав принципы и ориентиры для решения рабочего вопроса, произнес знаменательные слова: «Каждый должен исполнять выпавшее на его долю без промедления, ибо задержка может еще больше усложнить лечение столь серьезного зла», добавив также: «Что касается Церкви, то в ее помощи никогда не будет недостатка»¹¹³.

57. Для Церкви социальная весть Евангелия не должна представляться лишь теорией, но прежде всего основанием и мотивировкой для действия. Под влиянием этой вести некоторые из первых христиан раздавали свое имущество бедным, свидетельствуя, таким образом, что, несмотря на различное социальное происхождение, было возможно мирное и солидарное сожительство. Силою Евангелия, на протяжении столетий, монахи обрабатывали земли, монашеские общины основывали больницы и приюты для бедных, благотворительные братства, как, впрочем, мужчины и женщины всех сословий прилагали усилия на пользу нуждающимся и обездоленным,

будучи убежденными, что слова Христовы — «Всякий раз, когда делаете это одному из меньших Моих братьев, делаете Мне» (Мф 25, 40) — не должны были оставаться всего лишь благочестивым пожеланием, а стали бы конкретным жизненным обязательством.

Сегодня, как никогда, Церковь сознает, что ее социальная весть получает более реальное подтверждение в свидетельстве делами прежде, чем своей внутренней логикой и целостностью. Из этого сознания следует также, что ее преимущественный выбор в пользу бедных никогда не станет чем-то исключительным или дискриминационным в отношении других групп. Выбор здесь не ограничивается только материальной бедностью, так как известно, что — особенно в современном обществе — существуют разные виды бедности не только экономической, но и культурной и религиозной. Любовь Церкви к бедным, решающая для нее и относящаяся к ее извечной традиции, побуждает ее обращаться к миру, в котором, несмотря на технико-экономический прогресс, бедность угрожает принять гигантские размеры. В западных странах наблюдается бедность во всех видах: группы обездоленных, пожилых и больных, жертвы потребительства и еще большая нищета многих беженцев и эмигрантов; развивающимся странам угрожают драматические кризисы, если вовремя не будут приняты меры, скоординированные в международном масштабе.

58. Любовь к человеку, и в первую очередь к бедному, в котором Церковь видит Христа, конкретизируется в борьбе за справедливость. Справедливость никогда не удастся полностью провести в жизнь, если люди будут видеть в нуждающемся, который просит помощи, не что-то назойливое или какое-то бремя, а объект милосердия и возможность своего духовного обогащения. Только такое сознание вселит мужество, необходимое для встречи с опасностями и изменениями, незримо присутствующими в каждой искренней попытке прийти на помощь другому человеку. Действительно, речь идет не о том, чтобы лишь отрывать от своего излишка, а чтобы помочь целым народам, которые оказались выключенными из него и остались за бортом, войти в круг экономического и человеческого развития. Эти усилия станут возможными не только благодаря использованию благ, которые наш мир производит в изоби-

лии, но, прежде всего, вследствие изменения стиля жизни, моделей производства и потребления, прочных структур власти, управляющих сегодня обществом. Это означает не разрушение орудий общественного устройства, которые выдержали испытание, а об использовании их в соответствии с концепцией общего блага в отношении всей человеческой семьи. Сегодня мы стоим перед так называемой «глобализацией» экономики — явлением, от которого не следует отказываться, поскольку оно способно создавать исключительные возможности для роста благосостояния. Все больше, однако, ощущается потребность в том, чтобы этой растущей интернационализации экономики соответствовали действенные международные органы контроля и руководства, которые бы направляли саму экономику к общему благу, т. е. чего одно государство, будь оно самое могущественное на земле, не в состоянии сделать. Для того чтобы достичь такого результата, требуется, чтобы укреплялась согласованность между наиболее сильными странами и чтобы в международных организациях были равно представлены интересы всей человеческой семьи. Уместно также, чтобы международные организации, оценивая последствия своих решений, всегда придавали значение тем народам и странам, которые обладают малым весом на международной арене, но концентрируют в себе самые насущные и болезненные потребности и нуждаются в большей поддержке для их развития. Вне всякого сомнения, в этой области предстоит сделать еще очень многое.

59. Следовательно, для того чтобы торжествовала справедливость и имели успех попытки людей в ее осуществлении, необходим дар Благодати, ниспосылаемой Богом. Благодать и человеческая свобода составляют то таинственное присутствие Бога в истории, каким является Провидение.

Опыт новизны, который переживается в наследии Христа, требует того, чтобы он был сообщен другим людям в конкретном контексте их трудностей, их борьбы, проблем и вызовов, с тем чтобы все это осветилось светом веры и стало более человечным. Ибо вера не только помогает находить решения, но позволяет человеку переносить моменты страданий, не отчаиваясь и не забывая о своем достоинстве и призвании.

Социальное учение, помимо этого, обладает важным межструктурным измерением. Чтобы лучше воплотить единую истину о человеке в различных и постоянно меняющихся социальных, экономических и политических условиях, это учение вступает в диалог с различными дисциплинами, рассматривающими человека, соединяет в себе их вклад и помогает им открыться более обширному горизонту, направленному на служение отдельной личности, познаваемой и любимой в полноте ее призвания.

Затем наряду с межструктурным измерением следует напомнить о практическом и в известном смысле экспериментальном измерении этого учения. Оно находится на перекрестке, где христианская жизнь и совесть сталкиваются с внешним миром. Это учение проводится усилиями отдельных лиц, семей, работников культуры и общественных, политических, государственных деятелей при применении и приложении его в истории.

60. Провозглашая принципы для решения рабочего вопроса, Папа Лев XIII писал: «Решение столь трудной проблемы требует помощи и деятельного сотрудничества также и других»¹⁴. Он был убежден, что трудные проблемы, вызванные к жизни промышленно развитым обществом, могли быть разрешены только посредством сотрудничества всех сил. Это утверждение стало неотъемлемым элементом социального учения Церкви, что объясняет, между прочим, почему Папа Иоанн XXIII обратился со своей энцикликой о мире ко «всем людям доброй воли».

Папа Лев XIII, однако, с прискорбием констатировал, что ведущие идеологии той эпохи, прежде всего либерализм и марксизм, отказывались от такого сотрудничества. С тех пор многое изменилось, особенно в последние годы. Современный мир все больше сознает, что решение серьезных национальных и международных проблем — это вопрос лишь экономического производства и юридической или общественной организации, здесь необходимы этико-религиозные ценности, а также изменение умонастроения, поведения и структур. Церковь чувствует себя в особенности ответственной за такое предложение и — как я писал в энциклике «Забота о социальной действительности» — есть все основания надеяться, что даже та многочисленная группа, которая не исповедует ни-

какой религии, может внести свой вклад в дело создания необходимой этической основы для решения социального вопроса¹¹⁵.

В этом же документе я обратился с воззванием к христианским Церквам и ко всем великим религиям мира, призывая их предложить единодушное свидетельство их общих убеждений относительно достоинства человека, сотворенного Богом¹¹⁶. Действительно, я убежден, что религии сегодня и завтра сыграют выдающуюся роль в деле сохранения мира, создания общества и более достойного человека.

С другой стороны, готовность к диалогу и сотрудничеству сохраняет всю свою ценность для всех людей доброй воли и прежде всего для лиц и групп, облеченных специфической ответственностью в политической, экономической и общественной областях, на уровнях как национальном, так и международном.

61. В самих истоках промышленно развитого общества лежало «почти рабское иго», обязавшее моего предшественника высказаться в защиту человека. Церковь оставалась верной этому принятому на себя долгу в течение ста истекших лет. Действительно, она вмешалась в смутное время классово-борьбы после Первой мировой войны, чтобы защитить человека от экономической эксплуатации и от тирании тоталитарных систем. Она выдвинула достоинство человеческой личности во главу угла своих социальных посланий после Второй мировой войны, настаивая на всеобщем предназначении материальных благ, на общественном порядке без угнетения, основанном на духе сотрудничества и солидарности. Она затем постоянно подчеркивала, что личность и общество нуждаются в этих благах, но нуждаются также и в духовных и религиозных ценностях. Помимо того, все глубже отдавая себе отчет в том, что слишком многие люди живут не в благоприятных условиях западного мира, а в нищете развивающихся стран, где все еще испытывают на себе «почти рабское иго», Церковь чувствовала и чувствует себя обязанной осуждать эту действительность со всей ясностью и определенностью, хотя и знает, что этот ее призыв далеко не всегда будет благоприятно принят всеми. Сто лет спустя после обнародования *Rerum novarum* Церковь все еще находится перед лицом «новых вещей» и новых вызовов. Поэтому столетний юбилей должен

укрепить чувство долга во всех людях доброй воли и в особенности в верующих.

62. Настоящая энциклика, стремясь обратить внимание на прошлое, прежде всего обращена к будущему. Подобно *Regnum poenitentiae*, она вышла почти на пороге нового столетия и намерена, с помощью Божией, подготовить его наступление. Подлинная и вечная «новизна вещей» исходит в любое время из неистощимой Божественной силы, глаголющей: «Се, творю все новое» (Откр 21, 5). Эти слова относятся к завершению истории, когда Христос «предаст Царство Богу и Отцу... да будет Бог все во всем» (1 Кор 15, 24, 28). Но христианин знает, что новизна, которую мы ожидаем во всей ее полноте по пришествии Господа, уже присутствует с самого сотворения мира, а точнее, с того времени, когда Бог вочеловечился во Иисусе Христе, и вместе с Ним и для Него соделал нас «новой тварью» (2 Кор 5, 17; Гал 6, 15).

В заключение я еще раз благодарю Всемогущего Бога, давшего Своей Церкви свет и силу сопровождать человека на его земном пути к его вечному предназначению. И в третьем тысячелетии Церковь также останется верной тому, чтобы сделать собственным путь человека, сознавая, что она действует не сама по себе, но со Христом, своим Господом. Он соделал Своим путь человеческий, и Он ведет человека даже тогда, когда тот не отдает себе в этом отчета.

Пресвятая Дева Мария, Матерь Икупителя, оставалась возле Христа на Его пути к людям и с людьми, и Она предшествует Церкви в странствовании веры. Да сопроводит Она человечество Своим Материнским заступничеством на пути к наступающему тысячелетию в духе верности Господу нашему Иисусу Христу, Тому, Кто «вчера и сегодня и во веки веков Тот же» (Евр 13, 8) и во имя Которого преподаю всем мое благословение.

*Дано в Риме, у Св. Петра, 1 мая,
в день памяти Святого Иосифа Труженика, в год 1991-й,
тринадцатый год моего Понтификата*

Примечания

- ¹ Лев XIII, Энциклика *Regum novarum* (15 мая 1891 г. — *Leonis XIII P.M. Acta*, XI, *Romae* 1892, 97–144.
- ² Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno* (15 мая 1931): *AAS* 23 (1931), 177–228; Пий XII, Радиообращение на Пятидесятницу, 1 июня 1941 года: *AAS* 33 (1941), 195–205; Иоанн XXIII, Энциклика *Mater et Magistra* (15 мая 1961): *AAS* 53 (1961) 401–464; Павел VI, Энциклика *Octogesima adveniens* (14 мая 1971): *AAS* 63 (1971), 401–441.
- ³ См. Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*, III, I.c., 228.
- ⁴ Энциклика *Laborem exercens* (14 сентября 1981 г.): *AAS* 73 (1981), 577–647; Энциклика *Sollicitudo rei socialis* (30 декабря 1987 г.): *AAS* 80 (1988), 513–586.
- ⁵ См. св. Ириней, *Adversus haereses*, I, 10, 1; III, 4, 1: *PG* 7, 549 sq.; 855 sq.; *S.Ch.* 264, 154 sq.; 211, 44–46.
- ⁶ Лев XIII, Энциклика *Regum novarum*: I.c., 132.
- ⁷ См., например, Лев XIII, Энциклика *Arcanum divinae sapientiae* (10 февраля 1880 г.): *Leonis XIII P.M. Acta*, II, *Romae* 1882, 10–40; Энциклика *Diuturnum illud* (29 июня 1881 г.): *Leonis XIII P.M. Acta*, II, *Romae* 1882, 269–287; Энциклика *Libertas praestantissimum* (20 июня 1888 г.): *Leonis XIII P.M. Acta*, VIII, *Romae* 1889, 212–246; Энциклика *Graves de communi* (18 января 1901 г.): *Leonis XIII P.M. Acta*, XXI, *Romae* 1902, 3–20.
- ⁸ Энциклика *Regum novarum*: I.c., 97.
- ⁹ Там же: I.c., 98.
- ¹⁰ См. там же: I.c., 1095.
- ¹¹ См. там же: описание условий труда; рабочие антихристианские союзы: I.c., 110 sq.; 136 sq.
- ¹² Там же: I.c., 130; См. также 114 sq.
- ¹³ Там же: I.c., 130.
- ¹⁴ Там же: I.c., 123.
- ¹⁵ См. Энциклика *Laborem exercens*, 1, 2, 6: I.c., 578–583; 589–592.
- ¹⁶ См. Энциклика *Regum novarum*: I. c., 99–107.
- ¹⁷ См. там же: I.c., 102 s.
- ¹⁸ См. там же: I.c., 101–104.
- ¹⁹ См. там же: I.c., 134 sq.; 137 sq.
- ²⁰ Там же: I.c., 135.
- ²¹ См. там же: I.c., 128–129.
- ²² Там же: I.c., 129.

- ²³ Там же: I.c., 129.
- ²⁴ Там же: I.c., 130.
- ²⁵ Там же: I. c., 131.
- ²⁶ См. Всеобщая Декларация Прав Человека.
- ²⁷ См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 121–123.
- ²⁸ Там же: I.c., 127.
- ²⁹ Там же; I.c., 126 sq.
- ³⁰ См. Всеобщая Декларация Прав Человека; Декларация об устранении любой формы нетерпимости и дискриминации по мотивам религии или убеждений.
- ³¹ См. Документы II Ватиканского Собора, Декларация о религиозной свободе *Dignitatis humanae*; Иоанн Павел II, Послание к Главам Государств (1 сентября 1980 г.): AAS 72 (1980), 1252–1260; Послание ко Всемирному Дню мира 1988 года: AAS 80 (1988), 278–286.
- ³² См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 99–105; 130 sq.; 135.
- ³³ Там же: I.c., 125.
- ³⁴ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 38–40: I.c., 564–569; См. также Иоанн XXIII, Энциклика *Mater et Magistra*, I.c., 407.
- ³⁵ См. Лев XIII, Энциклика *Regum novarum*: I.c., 114–116; Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*, III, I.c., 208; Павел VI, Проповедь при завершении Святого Года (25 декабря 1975 г.): AAS 68 (1976), 145; Послание ко Всемирному Дню мира 1977 года: AAS 68 (1976) 709.
- ³⁶ Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 42: I.c., 572.
- ³⁷ См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 101 s.; 104 s.; 136.
- ³⁸ Документы II Ватиканского Собора. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 24.
- ³⁹ Энциклика *Regum novarum*: I.c., 99.
- ⁴⁰ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 15, 28: I.c., 530; 548 ss.
- ⁴¹ См. Энциклика *Laborem exercens*, 11–15: I.c., 602–618.
- ⁴² Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*, III: I.c., 213.
- ⁴³ См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 121–125.
- ⁴⁴ См. Энциклика *Laborem exercens*, I.c., 629–632; Речь в Международной организации труда в Женеве (15 июня 1982 г.): *Insegnamenti V / 2* (1982), 2250–2266; Павел VI, Речь в той же организации (10 июня 1969 г.): AAS 61 (1969), 491–502.
- ⁴⁵ См. Энциклика *Laborem exercens*: I.c., 594–598.

- ⁴⁶ См. Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*: 1. с., 178–181.
- ⁴⁷ См. Энциклика *Arcanum divinae sapientiae* (10 февраля 1880): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1882, 10–40; Энциклика *Diuturnum illud* (29 июня 1881 г.): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1882, 269–287; Энциклика *Immortale Dei* (1 января 1885 г.): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1886, 118–150; Энциклика *Sapientiae Christianae* (10 января 1890 г.): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1891, 10–41; Энциклика *Quod Apostolici muneris* (28 декабря 1878 г.): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1881, 170–183; Энциклика *Libertas praestantissimum* (20 июня 1888 г.): Leonis XIII P.M. Acta, II, Romae 1889, 212–246.
- ⁴⁸ См. Лев XIII, Энциклика *Libertas praestantissimum*: I. с., 224–226.
- ⁴⁹ См. Послание ко Всемирному Дню Мира 1980: AAS 71 (1979), 1572–1580.
- ⁵⁰ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 20: I. с. 536 s.
- ⁵¹ См. Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in terris* (11 апреля 1963 г.), III: AAS 55 (1963) 286–289.
- ⁵² См. Всеобщая Декларация Прав Человека 1948 года; Иоанн XXIII Энциклика *Pacem in terris*, IV: I. с., 291–296; «Заключительный Акт» Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки 1975.
- ⁵³ См. Павел VI Энциклика *Populorum progressio* (26 марта 1967 г.), 61–65 AAS 59 (1967), 287–289.
- ⁵⁴ См. Послание ко Всемирному Дню мира 1980: I. с. 1572–1580.
- ⁵⁵ Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 36, 39.
- ⁵⁶ См. Апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 32–44 AAS 81 (1989), 431–481.
- ⁵⁷ Энциклика *Laborem exercens* 20: I. с., 629–632.
- ⁵⁸ См. Конгрегация Вероучения, Инструкция о христианской свободе и освобождении *Libertatis conscientia* (22 марта 1986 г.): AAS 79 (1987), 554–599.
- ⁵⁹ См. Речь в Совете Конференции Епископов Восточной Африки по случаю 10 годовщины «Воззвания в пользу Сахеля» (Куагадугу, Буркина Фасо, 29 января 1990 г.) AAS 52 (1990), 816–821.
- ⁶⁰ См. Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in terris* III: I. с., 286–288.
- ⁶¹ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 27–28: I. с., 547–550; Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 43–44: I. с., 278 sq.
- ⁶² См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 29–31: I. с. 550–556.
- ⁶³ См. Хельсинкский Акт и Венское Соглашение, Лев XIII, Окружное Послание *Libertas praestantissimum*: I. с., 215–217.
- ⁶⁴ См. Энциклика *Redemptio missio* (7 декабря 1990), 7: «L'Osservatore Romano», 23 января 1991.

- ⁶⁵ См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 99–107; 131–133.
- ⁶⁶ Там же: I.c., 111–113 s.
- ⁶⁷ См. Пий XI, Энциклика *Quadragesima anno*, II: I.c., 191; Пий XII, Радио-обращение на Пятидесятницу 1 июня 1941 года; I.c., 199; Иоанн XXIII, Энциклика *Mater et Magistra*: I.c., 428–429; Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 22–24; I.c. 268 sq.
- ⁶⁸ Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 69, 71.
- ⁶⁹ См. Речь к латиноамериканским епископам в Пуэбло (28 января 1979 г.), III, 4: AAS 71 (1979), 199–201; Энциклика *Laborem exercens* 14: I.c., 612–616; Окружное Послание *Sollicitudo rei socialis*, 42: I. c., 572–574.
- ⁷⁰ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 15: I.c., 528–531.
- ⁷¹ См. Энциклика *Laborem exercens*, 21: I.c., 632–634.
- ⁷² См. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 33–42; I.c., 273–278.
- ⁷³ См. Энциклика *Laborem exercens*, 7: I.c., 592–594.
- ⁷⁴ См. там же 8; I.c., 594–598.
- ⁷⁵ См. Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*. 35, Павел VI. Энциклика *Populorum progressio*, 19: I.c., 266 s.
- ⁷⁶ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 34: I.c., 559 s.; Послание ко Всемирному Дню Мира 1990 года: AAS 82 (1990), 147–156.
- ⁷⁷ См. Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 декабря 1984), 16: AAS 77 (1985), 213–217; Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*, III, I.c., 219.
- ⁷⁸ Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 25: I.c., 544.
- ⁷⁹ См. там же 34: I.c., 559 s.
- ⁸⁰ См. Энциклика *Redemptor hominis* (4 марта 1979 г.), 15: AAS 71 (1979), 286–289.
- ⁸¹ См. Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 24.
- ⁸² См. там же, 41.
- ⁸³ См. там же, 26.
- ⁸⁴ См. Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 36; Павел VI, *Octogesima adveniens*, 2–5; I.c., 402–405.
- ⁸⁵ См. Энциклика *Laborem exercens* 15: I.c., 616–618.
- ⁸⁶ См. там же, 10: I.c., 600–602.
- ⁸⁷ См. там же, 14: I.c., 612–616.

- ⁸⁸ См. там же, 18: I.c., 622–625.
- ⁸⁹ См. Энциклика *Regum novarum*: I.c., 126–128.
- ⁹⁰ См. там же, I.c., 121 s.
- ⁹¹ Лев XIII, Энциклика *Libertas praestantissimum*: I.c., 224–226.
- ⁹² См. Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 76.
- ⁹³ См. там же, 29; Пий XII, Рождественское радиопослание 24 декабря 1944 года: AAS 37 (1945), 10–20.
- ⁹⁴ См. Документы II Ватиканского Собора, Декларация о религиозной свободе *Dignitatis humanae*.
- ⁹⁵ См. Энциклика *Redemptoris missio*, 11: «*L'Osservatore Romano*», 23 января 1991.
- ⁹⁶ См. Энциклика *Redemptor hominis*, 17: I.c., 270–272.
- ⁹⁷ См. Послание ко Всемирному Дню Мира 1988 года: 1. с., 1572–1580; Послание ко Всемирному Дню Мира 1991 года: «*L'Osservatore Romano*», 19 декабря 1990 г.; Документы II Ватиканского Собора, Декларация о религиозной свободе *Dignitatis humanae*, 1–2.
- ⁹⁸ Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 26.
- ⁹⁹ См. там же, 22.
- ¹⁰⁰ См. Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno*, I: I.c., 184–186.
- ¹⁰¹ См. Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981), 45: AAS 74 (1982), 136 s.
- ¹⁰² См. Выступление в ЮНЕСКО (2 июня 1980 г.): AAS 72 (1980), 735–752.
- ¹⁰³ См. Энциклика *Redemptoris missio*, 39; 52: «*L'Osservatore Romano*», 23 января 1991 г.
- ¹⁰⁴ См. Бенедикт XV. Апостольское обращение *Ubi primum* (8 сентября 1914 г.): AAS 6 (1914), 501 sq.; Пий XI, Радиообращение ко всем верующим католикам и ко всему миру (29 сентября 1938 г.): AAS 30 (1938), 309 s.; Пий XI, Радиообращение ко всему миру (24 августа 1939 г.), 333–335; Иоанн XXIII, Энциклика *Racem in terris*, III: I.c., 285–289; Павел VI, Речь в ООН (4 октября 1965 г.): AAS 57 (1965), 877–885.
- ¹⁰⁵ См. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 76–77: I.c., 294 sq.
- ¹⁰⁶ См. Апостольское обращение *Familiaris consortio*, 48: I.c., 139 sq.
- ¹⁰⁷ Энциклика *Regum novarum*: I.c., 107.
- ¹⁰⁸ См. Энциклика *Redemptor hominis*, 13: I.c., 283.
- ¹⁰⁹ Там же: 14: I.c., 284 sq.

¹¹⁰ Павел VI, Проповедь на заключительной публичной сессии II Ватиканского Собора (7 декабря 1965 г.): AAS 58 (1966), 58.

¹¹¹ Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 41: l.c., 571.

¹¹² Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 76; см. Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptor hominis*, 13: l.c., 283.

¹¹³ Энциклика *Regum novarum*: l.c., 143.

¹¹⁴ Там же; l.c., 107.

¹¹⁵ См. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 38: l.c., 564–566.

¹¹⁶ См. там же. 47: l.c., 582.